

358

Е. ПОСЕЛНИНЪ.

РУССКІЕ ПРАЗДНИКИ
ПОСЛѢДНИХЪ
ТКОБЪ.

Безплатное Приложеніе
къ Журналу
Русскій Паломникъ.

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ.

Живописная панорама диковинъ
живой и мертвой природы.

Популярное описаніе замѣчательнѣйшихъ произведеній
и явленій трехъ царствъ природы въ рядѣ отдѣльныхъ
очерковъ выдающихся ученыхъ міра.

Рескшн.: изд. альбомн. ф-рм., св. 760 стр. текста.

Съ многочисленными рисунками съ натуры и
картинами въ краскахъ.

Подъ редакціей проф. А. М. Никольскаго, проф. К. Д.
Гюковскаго, Н. П. Каменьщикова, В. В. Шипчинскаго
и М. В. Иванова.

«Чудеса Природы» должны помочь сотнямъ тысячъ неспециалистовъ и несѣтнымъ толпамъ любителей природы найти входъ въ необъятное царство естественныхъ наукъ».

~~Цена~~ Цѣна 6 руб. ~~столов~~

Издательство П. П. Сойкина, Птгр., Стремянная, 12.

358
 устроить имъ монастырь; матушка не согласилась, говоря: «нѣтъ, нѣтъ, не пушу, она еще молода, въ свое время она по своему вкусу при Божіей помощи устроить обитель, а теперь молода, и ваше мѣсто ей не понравится». Когда же онѣ продолжали просить и кланяться ей, она сказала имъ: «просите харьковскую игуменію премудрую Софію, она устроитъ вамъ монастырь; тогда и она пріѣдетъ въ вашу обитель поглядѣтъ на все устройство, и ее привезутъ добрые помѣщики Шубинскіе въ каретѣ къ вамъ четверикомъ, вотъ и повидаетесь тогда съ нею, а теперь пускай при мнѣ будетъ!» И это предсказаніе сбылось въ свое время. Матушка Софія Бѣжецкая устроила, дѣйствительно, въ селѣ Шолтомѣси дѣвичью общину, пославъ туда свою сборщицу, очень ловкую мать Леониду, которая въ скоромъ времени и учредила общину.

Послѣ кончины матушки Алипіи, для поправленія здоровья, я гостила въ усадьбѣ Павла Васильевича Шубинскаго, въ десяти верстахъ отъ с. Шолтомѣси, и, дѣйствительно, дѣрѣйшій Павелъ Васильевичъ предложилъ мнѣ съѣздить помолиться въ Шолтомѣсь, и, къ моему удивленію, подали, по старинному, карету, запряженную четверкой лошадей. Я и вспомнила слова матушки Алипіи.

Матушка Алипія много разъ предсказывала мнѣ разныя событія въ моей жизни, и ея предсказанія всегда въ точности сбылись; нѣкоторыя изъ ея предсказаній опишу здѣсь.

Задолго еще до кончины моего мужа, матушка Алипія предсказала мнѣ, что отъ безызвѣстнаго мнѣ челоуѣка я получу послѣ смерти моего мужа синенькую бумажку въ семьдесятъ рублей, которую снесу въ казначейство, гдѣ размѣняютъ мнѣ ее бѣлымъ злотомъ. Предсказаніе это сбылось: 1879 года, 15-го мая, скончался мой мужъ въ запасномъ баталіонѣ 18-го пѣхотнаго Вологодскаго полка въ гор. Могилевѣ, куда, незадолго до своей смерти, мой мужъ перешелъ изъ драгунскаго полка, о смерти его (т. е. моего мужа) меня извѣстили мои знакомые. Не зная никого въ запасномъ баталіонѣ, я рѣшилась написать самому командиру полка г. Алексѣевскому, котораго также лично не знала, просила его сдѣлать мнѣ милость, увѣдомить меня въ монастырь подробнѣе о кончинѣ моего мужа, а также переслать мнѣ оставшіяся послѣ моего мужа вещи. Прошло 6 мѣсяцевъ, отвѣта я не получала и не знала, гдѣ должна была хлопотать о выдачѣ мнѣ вдовьяго свидѣтельства. Дѣла шли медленно. Командиръ полка почти не успѣлъ хорошо узнать моего мужа, и не могъ ничего подробнаго мнѣ сообщить. Знали только, что мужъ мой умеръ болѣзнію рака въ желудкѣ, вещи же его послѣ смерти растащили.

Христолюбивый и добрый командир полка, Алексѣевскій, хотя и не зналъ меня, такъ какъ я, грѣшная, еще при жизни мужа моего ушла въ монастырь (по благословенію святыхъ старцевъ, за семь лѣтъ до его кончины), однако, какъ видно изъ его дѣйствій сострадательный и добрый человѣкъ, хотѣлъ чѣмъ-нибудь утѣшить меня, поэтому прислалъ мнѣ талонъ къ ассигновкѣ на синенькой бумажкѣ въ семьдесятъ рублей, съ тѣмъ, чтобы изъ кашинскаго казначейства выдали мнѣ серебряными полтинниками. Вотъ неожиданно сбылось предсказаніе матушки Алипіи вполне, надъ которымъ многіе смѣялись и не вѣрили.

Потомъ говорила мнѣ матушка Алипія, что любимецъ покойнаго государя Александра II, генераль съ своею женою будутъ принимать во мнѣ участіе, какъ родные; при этомъ назвала даже генерала по имени: его Михаиломъ, а супругу его Еленою Феодоровною, даже имя экономки ихъ, Татьяны, назвала. Сказала еще, что этотъ генераль выхлопочетъ мнѣ маленькую пенсію; очень хвалила его добрый характеръ, говоря: «гдѣ онъ появится, вездѣ милость и миръ окажется; у него не только родители, и прадѣды-то всѣ святые были. За ихъ святые молитвы впереди его (т. е. генерала) всегда архангелъ Михаилъ съ огнемъ и мечомъ ходитъ, охраняя его». Я грѣшница слушала это такъ себѣ, думая, что матушка Алипія, утѣшая меня въ скорбной моей жизни, что-нибудь про будущую жизнь говоритъ. Откуда можетъ быть такое знакомство, когда я куда не хожу и не ѣзжу, а живу въ такой лачужкѣ, что и намъ негдѣ повернуться! Но когда я долго не могла выхлопотать себѣ вдовьяго паспорта, матушка Алипія однажды сказала мнѣ: «тебѣ надо съѣздить за 9 верстъ отсюда, въ усадьбу къ генералу Тучкову, проси его милостей, чтобы похлопоталъ тебѣ пенсію»,—«Я боюсь, матушка,—отговаривалась я, и, дѣйствительно, я одичала, боялась, отвыкла отъ общества и свѣтскихъ людей, а тѣмъ болѣе боялась ѣхать къ вельможамъ: «Зачѣмъ боишься,—говорила матушка Алипія,—поѣзжай, они никого не осудятъ, всѣхъ привѣтять, это ангелы земные, небесные чловѣки; отслужи молебень сперва: Святой Троицѣ, милостивой Царицѣ Небесной и святому архистратигу Михаилу». Я сказала объ этомъ нашему отцу протоіерею Петру А. Р., прося его отслужить мнѣ молебень и по какой причинѣ.

Онъ разсмѣялся, говоря: «какъ это вы вѣрите юридической старицѣ? Мало ли что она говорить, у нихъ много непонятнаго». Я сказала, что вѣрю свято ея словамъ, ибо они на дѣлѣ всегда сбываются. «Поѣзжайте, поѣзжайте,—прибавилъ онъ,—проложите и намъ дорожку; только смотрите, не пожалѣйте, если на васъ не обратятъ вниманія».

Отслуживъ молебень, я спросила позволенія у матушки игуменіи и въ сопровожденіи одной старицы сборщицы поѣхала въ помѣстье «Троицкое» къ г.г. Тучковымъ. Хотя я и свято вѣрила дорогой моею матушкой Алипіи, но сердце невольно замирало, и я готова была вернуться отъ страха. Добрѣйшіе и высокопочитаемые Михаилъ Павловичъ и Елена Ѳеодоровна приняли меня, недостойную, очень милостиво, обѣщали похлопотать мнѣ пенсію. Въ тотъ же годъ, благодаря ихъ попечительности, и за святыя молитвы матушки Алипіи я получила единовременное пособіе послѣ смерти моего мужа, и изъ эмеритальной кассы пенсію по восьми рублей въ мѣсяць. До конца своей жизни (а я десять лѣтъ имѣла счастье быть съ ними знакомой) добрѣйшій Михаилъ Павловичъ, генералъ Тучковъ, былъ милостивъ ко мнѣ, какъ родной, за что я не умѣю надлежащимъ образомъ молиться за нихъ Господу Богу, а ихъ моихъ безцѣннѣйшихъ благодѣлателей, благодарить. И теперь дорогая супруга покойнаго Михаила Павловича продолжаетъ мнѣ грѣшной щедро благодѣлательствовать, по предсказанію матушки Алипіи.

Матушка Алипія любила кашинскихъ горожанъ и торговцевъ. Многіе изъ ихъ женъ и дѣтей приходили къ ней за совѣтомъ, прося благословенія на разныя дѣла свои; глубоко вѣровали въ силу ея молитвы. Верещагины, Пименовы, Ушаковы, Охановы, Парасковія Ѳеодоровна Кортева, Калашниковы, Запѣнинъ, Пуговичниковы, Водолеевы и многіе другіе съ разныхъ сторонъ и сословія приходили спрашивать ея совѣтовъ и святыхъ молитвъ, и до самой смерти матушки Алипіи любили ее и носили ей разныхъ гостинцевъ. Семейство Пуговичникова по ея предсказанію—выстроило домъ, а сыну ихъ—Виктору Ильичу, матушка Алипія сама выбрала и назначила невѣсту, и по ея святымъ молитвамъ они живутъ счастливо. Ник. Ник. З. дочери ходили къ матушкѣ Алипіи. Старшей она совѣтовала итти замужъ, а второй сама предсказала замужество. Однажды она пришла къ своей родственницѣ, мон. Анатолиі; отъ нея Варвара Николаевна пришла къ намъ; матушка Алипія весело на нее взглянула, сказавъ: «а какая большая ты выросла! А счастье-то больше тебя еще». Въ непродолжительномъ времени посватался къ ней очень хорошій и богатый купецъ, за котораго Варвара Николаевна и вышла замужъ и живутъ теперь, слава Богу, счастливо.

Къ монахинѣ нашей Сергіи, которую матушка Алипія очень любила за ея подвижническую жизнь и кроткій характеръ, пришла ея племянница купчиха, молодая дѣвушка Павла Блинова, съ тѣмъ, чтобы спросить матушку Алипію, за котораго жениха итти ей замужъ, такъ какъ къ ней въ одно время сва-

тались два жениха. «Пускай мѣсяць одинъ погостить у тетки въ монастырѣ,—сказала матушка Алипія, — а-тамъ, что Богу угодно». Блинова и слышать не хотѣла про монастырѣ и объявила, что и дня одного не хочетъ въ монастырѣ быть, а просила благословить ее замужъ. Матушка Алипія тяжело вздохнула, сказавъ: «Только одинъ мѣсяць». Я начала увѣрять ее, что Блинова не хочетъ слышать объ этомъ. «Грѣха нѣтъ выходить замужъ,—сказала матушка Алипія,—а только бы мѣсяць здѣсь погостить; впрочемъ, дѣло ея. Пускай за любого выходить». Послѣ чего Блинова вышла замужъ за Пименова, жила только одинъ мѣсяць и умерла горячкой.

За семь лѣтъ до своей кончинѣ матушка Алипія сдѣлалась немного нездорова, монахиня Анатолія, очень добрая старица, любила матушку Алипію и приходила къ ней отъ себя спрашивать о своихъ дѣлахъ, а иногда и по порученію родныхъ и знакомыхъ. Однажды, придя къ матушкѣ Алипіи и увидя ее блѣдною, подумала, что она скоро умретъ, и стала уговаривать ее пособороваться. «Успокойся,—сказала матушка Алипія,—я еще не скоро умру, меня будетъ священникъ, отецъ Василій, молодой, хорошій соборовать, онъ еще теперъ не живеть у насъ».

Матери Анатоліи почему-то вообразилось, что матушка Алипія не желаетъ собороваться у нашихъ священниковъ, а хочетъ, чтобы пустынный нашъ старецъ отецъ Василій ее собороваль; ничего намъ не сказавши, она выпросила у добрѣйшей матушки игуменіи привезти изъ пустыни отца Василія. Вдругъ являются къ намъ въ келью отецъ протоіерей П. А. Р., пустынный отецъ Василій и мать Анатолія. Увидя вошедшихъ, матушка Алипія улыбулась матушкѣ Анатоліи: «что это вамъ, матушка, не сидится, что насуетили? Легко ли, даромъ обезпостили старца. Я вамъ говорила, что меня передъ смертью будетъ соборовать отецъ Василій, высокій, молодой, хорошій священникъ, его теперъ еще здѣсь нѣтъ».—«Развѣ тебѣ не все равно, — сказалъ, шутя, батюшка отецъ протоіерей матушкѣ Алипіи,—что молодой, что старый, я или кто другой будетъ тебя соборовать?»—«Мнѣ Царица Небесная сказала,—отвѣтила отцу протоіерею матушка Алипія,—чтобы я тебя въ духовники взяла, а соборовать ты меня не будешь, а молодой, хорошій отецъ Василій меня будетъ соборовать».

Впослѣдствіи такъ и сбылось: передъ смертію матушки Алипіи отецъ протоіерей ее приобщилъ утромъ, а послѣ вечера хотѣлъ придти ее пособоровать, но неожиданно пріѣхалъ изъ Твери инспекторъ училищъ, и отецъ протоіерей долженъ былъ отправиться къ нему, какъ преподаватель. Матушка Алипія казалась очень слабою; поэтому мы не стали дожидаться отца протоіерея, послали за очереднымъ священникомъ; въ

это время у насъ былъ новый священникъ — черный, зять о. Павла; онъ перешелъ къ намъ изъ села, молодой о. Василий. Онъ и соборовалъ матушку Алипію, какъ она за семь лѣтъ это провидѣла.

Тверская купчиха Софія Алексѣевна Нечаева, имѣвшая большое расположеніе къ матушкѣ Алипіи, не разъ съ дѣтьми приѣзжала къ ней. Однажды матушка Алипія пристально поглядѣла на ея дѣтей и сказала, чтобы она въ страхъ Божиемъ ихъ воспитывала, и, указывая руками на малолѣтняго тогда сына ея Илью, сказала: «Вотъ этотъ у тебя будетъ всѣхъ счастливецъ, безъ хлопотъ твоихъ найдетъ себѣ богатую невѣсту, войдетъ къ ней въ домъ и будетъ счастливо жить», что и сбылось въ свое время.

Жена кашинскаго чиновника, Николаевская, не вѣрила прозорливости матушки Алипіи, съ дерзкою насмѣшкою говорила о ней и захотѣла взойти поглядѣть ее изъ любопытства, но не рѣшалась, а подошла къ двери и изъ двери хотѣла взглянуть на нее. Матушкѣ Алипіи, вѣрно, Богъ открылъ объ ней. Она сама подошла къ двери, чтобы Николаевская могла лучше слышать ее, и сказала громко: «Сама ты живешь по твоимъ похотямъ и насъ пришла испытывать. Какъ ты смѣла войти во святую обитель съ твоимъ сквернымъ хвостомъ?» Николаевская до слезъ испугалась и раскаялась въ своемъ поступкѣ; съ тѣхъ поръ она считала матушку Алипію, дѣйствительно, праведницею.

По вражію искушенію матушка Феодосія подъ конецъ возстала на нее, а потомъ о. Іоанникій духовникъ подаль архіерею прошеніе на матушку Алипію, но послѣ испугался и оставилъ это дѣло. Матушка игуменія не позволила это описывать, какъ было дѣло.

Матушка Алипія предсказывала, что случится, иногда прозрѣвая за нѣсколько лѣтъ впередъ, и слова ея, какъ я уже писала, сбывались въ точности, какъ будто она читала въ книгѣ судебъ Божіихъ будущія опредѣленія людямъ.

Такъ, на примѣръ, за два года до нашего пожара она предсказала, что у насъ въ монастырѣ, потомъ въ городѣ и въ окрестныхъ деревняхъ будутъ ужасные пожары, что и сбылось: дѣйствительно, почти три года были пожары.

Наканунѣ 30-го августа 1882 года, матушка Алипія дала мнѣ поданныя приходящими къ ней тридцать копѣекъ и велѣла поставить свѣчу образу Неопалимой купины Царицы Небесной. Я передала деньги свѣчницѣ, сказавъ приказаніе матушки Алипіи. Послушница, Александра Суханова, пришла съ послушанія передъ всенощной, чувствовала себя нездоровой, поэтому и не ходила ко всенощной; и, когда я вернулась изъ

церкви, она сказала мнѣ, что, проходя мимо оконъ матушки Алипіи, она видѣла, что матушка Алипія, развязавъ веревочки у задвижки окна, глядѣла изъ него, какъ будто осматривая, хорошо ли изъ него выйти. Я думала, что матушка хочетъ провѣтрить комнату, прочла акаѳистъ Скорбящей и за нимъ подремала. Меня разбудилъ набатъ. Выскочивъ въ сѣни съ разбуженной мною Сашей, мы увидѣли зарево пожара въ самомъ нашемъ монастырѣ. Дверь матушки Алипіи была заперта; когда дверь сильно рванули, она оказалась совсѣмъ одѣтою, въ ваточникѣ и закутанною поверхъ шапочки большою шалью, а въ рукахъ большой узелъ съ образами и книгами. Она приказала просунуть себя черезъ окно, такъ какъ сѣни были ветхи... Очевидно, она предчувствовала даромъ прозорливости опасность пожара.

Ее приглашали къ себѣ почетные горожане и священники. Но она просила отвезти себя къ бѣдной своей землячкѣ Дарьѣ Васильевнѣ, жившей въ ветхой лачужкѣ. Ветхую же келью матери Алипіи въ это время подправили и на средства купца Дорогутина обили войлокомъ. Въ теченіе полутора года не было въ монастырѣ трапезъ, но матушка Алипія питалась отъ добрыхъ людей.

Какъ-то монастырскія сборщицы въ Москвѣ познакомились съ Екатериной Петровнѣй М. У нея дочь была сговорена за полковника. Мать послала три рубля матери Алипіи, прося прислать образокъ въ благословеніе дочери. На это письмо старика сказала: «онѣ земные ангелы и небесные человѣки», а потомъ, принявъ грозный видъ, произнесла: «Вонъ, вонъ буйковского мужика. Не надо, не смѣйте отдавать этого ангела за буйковского мужика». Дѣйствительно, онѣ оказался человѣкомъ неблагонадежнымъ, и ему отказали.

Матушка Алипія предсказала, что Вѣра Дмитріевна выйдетъ замужъ за доктора, что и случилось.

Въ 1885 году она стала слабѣть и просила никого не принимать къ ней, говоря:

— Я скоро домой уйду: пора въ Кой на покой.

Слегла она въ маѣ, двѣ послѣднія недѣли провела вовсе безъ пищи, соборовалась и приобщилась и скончалась въ полдень, 6 сентября 1885 года.

Тѣло ея стояло въ тѣсной кельѣ четверо сутокъ съ открытыми настежь дверями, въ духотѣ, вслѣдствіе множества приходящаго народа, но не издавало мертвеннаго запаха. Выраженіе лица было благодное и радостное.

Ее положили въ саду на кладбищѣ, между двухъ часовенъ, противъ Казанскаго собора.

ПЕТРЪ САВЕЛЬЕВИЧЪ ПРОХОРОВЪ (ВЪ СХИМЪ ПАНТЕЛЕЙМОНЪ)

(основатель Костычевской Смоленской общины).

СХИМОНАХЪ Пантелеймонъ своей жизнью лишній разъ доказываетъ глубину духовныхъ стремлений русскаго крестьянскаго міра, лишній разъ свидѣтельствуеетъ о той духовной жадѣ, которая распаляетъ русскій народъ, заставляетъ его мечтать о подвигахъ и даетъ ему силу приступить къ этимъ подвигамъ среди самыхъ, казалось бы, неблагоприятныхъ условий, когда міръ по рукамъ и ногамъ связываетъ человѣка.

Нравственная побѣда, осуществленіе своей мечты, устройство, несмотря ни на что, своей жизни такъ, какъ эта жизнь рисовалась ему въ самыя святыя минуты: вотъ то, чѣмъ былъ жизненный путь этого крѣпкаго русскаго подвижника.

Въ 1811 году родился въ семьѣ крестьянина Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, села Старыхъ Костычей, Савелія Антонова Прохорова, сынъ Петръ.

Съ первыхъ лѣтъ его стало замѣтно, что мальчикъ съ большою радостью ходитъ въ церковь и жадно учится со словъ матери и другихъ людей молитвамъ. Онъ любилъ читать священныя книги, особенно же житія святыхъ, тѣхъ святыхъ, которые спасли душу свою уединеннымъ подвигомъ, которые углублялись въ пустыни, скрывались въ пещерахъ, угнетали себя голодомъ и жаждой, восходили для окончательной побѣды на высокіе столпы, какъ Никита Столпникъ, Симеонъ Столпникъ. Ближе были извѣстны мальчику житія преподобныхъ Кіево-Печерскихъ, отцовъ русскаго монашества—Антонія и Феодосія.

Очень любили онъ Лѣствицу преподобнаго Іоанна и, не умѣя самъ читать, заставлялъ другихъ прочитывать ему отрывки изъ этой книги вслухъ.

Конечно, прямой путь такому мальчику былъ бы—послушаніе въ монастырѣ. Но, не спрашиваясь съ его желаніями и мечтаніями, его отецъ женилъ сына, какъ только ему минуло семнадцать съ половиной лѣтъ.

Какъ часто въ крестьянскихъ семьяхъ, особенно въ прежнее время, молодой чарень женится помимо всякаго своего желанія, только потому, что отецъ находитъ нужнымъ завести въ домъ лишнюю работницу.

Съ женой Петръ жилъ хорошо, имѣлъ онъ отъ нея и дѣтей: мальчиковъ и дѣвочекъ. Трезвый, трудолюбивый, хозяйственный, онъ вель свои дѣла исправно, и домъ его считался однимъ изъ самыхъ состоятельныхъ. Уже въ то время въ немъ ясно обозначалось стремленіе къ подвигамъ. По крайней мѣрѣ, вотъ что рассказываютъ объ этомъ времени два его товарища: «Какъ-то ранней весной мы съ Прохоровымъ пахали въ степи за Волгой, и послѣ четырехдневной работы случился праздникъ. Вечеромъ, наканунѣ праздника, мы собрались у костра поужинать, разговорились. Одинъ изъ насъ на утро въ праздникъ предложилъ было продолжать пашню, но Прохоровъ возсталъ противъ подобнаго нарушенія праздничныхъ дней и началъ говорить, что въ праздникъ работать не слѣдуетъ, что праздничной работой мы оскорбляемъ Бога и святыхъ Его, что Богъ повелѣлъ человѣку работать шесть дней и проч., и, такимъ образомъ, убѣдилъ насъ всѣхъ утромъ идти въ Обшаровку къ утренней службѣ. Такъ какъ было весеннее время, то всѣ мы шли въ однихъ рубашкахъ, дулъ довольно сильный вѣтеръ и вѣтромъ подняло край рубашки Прохорова, и мы увидѣли, что подъ рубахой онъ носитъ желѣзный поясъ. На тѣлѣ около пояса (отъ тренія желѣзнаго обруча во время работы) виднѣлись слѣды крови. И, когда мы настойчиво его разспрашивали, зачѣмъ онъ носитъ желѣзный поясъ, то Прохоровъ, не объясняя причины, съ неохотой сказалъ, что «поясъ сначала носить было трудно, а теперь, слава Богу, попривыкъ. Вотъ только жена сердится за то, что рубашки рву». Вскорѣ послѣ этого, не болѣе какъ черезъ годъ, Прохоровъ ушелъ на Афонъ молиться Богу, и мы съ нимъ уже больше не пахали».

Только десять лѣтъ прожилъ Прохоровъ въ бракѣ съ женой, и, такъ какъ онъ рано женился, онъ былъ еще совсѣмъ молодой—двадцати семи съ половиной лѣтъ, когда онъ рѣшительно повернулъ на тотъ путь, на которомъ провелъ осталь-

ные сорокъ лѣтъ своей жизни. Побужденіемъ для него оставить жену было слѣдующее необыкновенное обстоятельство.

Еще при жизни съ женой, онъ очень любилъ вставать въ полночь на молитву. Это не нравилось его женѣ, которая всячески надъ нимъ за это издѣвалась, и онъ, чтобы не беспокоить ее и не возбуждать ея насмѣшекъ, отказался отъ своего обычая.

Однажды въ полночь онъ былъ поднятъ съ постели какой-то особой сверхъестественной силой и отброшенъ на полъ довольно далеко отъ постели, при этомъ онъ получилъ сильный ушибъ въ бокъ. Онъ увидѣлъ тогда въ этомъ наказаніе Божіе за то, что онъ изъ угоды женѣ отказался отъ благочестиваго обычая. Когда онъ снова изъ слабости предъ женой сталъ уклоняться отъ ночной молитвы, припадки съ нимъ возобновились.

Какъ-то разъ во время жатвы ему пришлось безъ сознанія пролежать въ полѣ болѣе часа. Когда онъ пришелъ въ себя, то сталъ молить жену, чтобы она не мѣшала ему итти въ Кіевъ на богомолье. Она же возражала ему, говоря, что тогда некому будетъ смотрѣть за дѣтьми и вести хозяйство. По возвращеніи съ поля домой припадокъ возобновился, и въ этомъ припадкѣ онъ чуть не задавилъ свою младшую дочь; онъ пролежалъ безъ признаковъ жизни два часа и всѣ думали, что онъ умеръ. Тутъ онъ проболѣлъ двѣ недѣли горячкою. Ему стало лучше послѣ того, какъ по просьбѣ жены его особоровали. Когда онъ сталъ оправляться, онъ сталъ опять просить жену отпустить его, но она опять отказывала. Тогда кто-то изъ ея родственниковъ и волостной старшина доказали ей, что, все равно, Петръ, столь ослабѣвшій отъ болѣзни, для нея сейчасъ не работникъ, и она отпустила его.

Первое его богомолье въ Кіевъ было непродолжительно. Можно предполагать, что кіевскіе старцы вложили въ него мысль итти на Аѳонъ.

Вернувшись домой, онъ сталъ быстро приводить въ порядокъ свои дѣла. У деревенскихъ купцовъ онъ заказалъ для ношенія на тѣлѣ тяжесть, въ родѣ веригъ, и на дорогу—желѣзную палку.

— Вотъ,—сказалъ онъ женѣ,—и посохъ я припасъ себѣ на дорогу, отпусти меня на Аѳонъ молиться Богу, дома я уже не работникъ.

Тутъ, отъ отчаянія, съ Анной случился припадокъ. Она билась объ полъ, отчаянно плакала, рвала на себѣ волосы, и уговаривала мужа отказаться отъ своего намѣренія.

Тогда мужъ подаль ей свою крѣпкую желѣзную палку и предложилъ женѣ переломить эту палку.

— Такъ и меня не отговаривай,—сказаль онъ ей,—не осилишь меня.

— Домъ на кого покидаешь?—спросила Анна мужа.

— Нечего тебѣ о домѣ беспокоиться,—отвѣчалъ Петръ,—за то благодари, если утромъ въ немъ позавтракаешь.

— А съ дѣтьми что дѣлать?

— Богъ милостивъ,—отвѣчалъ онъ,—Онъ найдетъ всеъ имъ мѣсто.

Дѣйствительно, домъ на слѣдующій день сгорѣлъ, а двое дѣтей черезъ недѣлю умерли.

И онъ, какъ птица, освободившаяся изъ тенетъ, быстро вышелъ изъ родного мѣста. Въ тотъ же день дошелъ онъ до Сызрани, здѣсь ночеваль и здѣсь получилъ ту Смоленскую икону Богоматери, которая составляла для него при жизни его великую святыню, и которую онъ по своей смерти завѣщаль новой обители.

Эта икона принадлежала сызранской купчихѣ Сопляковой. Она была раскольница, и Прохоровъ часто навѣщаль ее. Когда онъ собрался на Аѳонъ и зашелъ къ купчихѣ проститься, то въ ея молельной сталъ просить ее дать икону на дорогу. И на предложеніе хозяйки выбрать себѣ икону по желанію, остановилъ свой выборъ на иконѣ Смоленской. Соплякова увѣряла, что не рѣшается отдать ему эту святыню, такъ какъ икона эта старинная и чудотворная. Прохоровъ тогда вовсе отказался отъ иконы, и пошелъ изъ комнаты. Вдругъ въ ней раздался стукъ и, оглянувшись, хозяйка увидала, что икона упала на полъ. Поднявъ ее, она поставила икону на мѣсто, а Прохоровъ, прощаясь съ нею, обѣщаль побывать на завтра, такъ какъ Господь укажетъ, что дѣлать.

Ночью и утромъ икона упала во второй и въ третій разъ. Купчиха заплакала и отдала икону Прохорову, какъ онъ о томъ ее просилъ.

И съ тѣхъ поръ Прохоровъ никогда не разставался съ этой дорогой для себя святыней. Странствуя по святымъ мѣстамъ, онъ носилъ ее у себя въ ранцѣ на спинѣ. Когда онъ приходилъ куда-нибудь или начиналъ новый путь, онъ вынималъ икону изъ ранца, ставилъ предъ собою, и начало и конецъ всякаго дѣла ознаменовываль молитвою предъ этой иконою. Онъ завѣщаль ее основанной имъ общинѣ, и теперь икона, богато украшенная жемчугомъ и тремя алмазными звѣздами на челѣ и оплечьяхъ, стоитъ въ иконостасѣ Смоленскаго храма Костычевскаго монастыря.

Уходя отъ Сопляковой, Прохоровъ просилъ ее позаботиться объ его женѣ, если она заболѣетъ.

Въ скоромъ времени костычевскій нарочный нагналъ Прохорова съ вѣстью о томъ, что его домъ и имущество сгорѣли. Жена, спасая дѣтей, подверглась ужаснымъ ожогамъ и находилась при смерти. Она была увезена въ сызранскую больницу.

Прохоровъ имѣлъ въ себѣ настолько силы воли, чтобы показать, какъ рѣшительно порвалъ онъ со всѣмъ мірскимъ, что не вернулся въ Сызрань, какъ просила его о томъ жена и сказавъ: «Да будетъ во всемъ воля Господня»,—пошелъ дальше.

Когда до Сопляковой дошла вѣсть, что въ Сызрань привезена страдающая жена Прохорова, она вспомнила его слова, ухаживала за больной и затѣмъ, когда та выписалась изъ больницы, помогла ей деньгами.

Въ родномъ селѣ осуждали Прохорова, считали его ханжой и говорили: «Угодно ли Богу его богомолье? Можно ли было забыть ему жену и своихъ дѣтей!»

Прежде чѣмъ побывать на Аѳонѣ, Петръ вторично отправился въ Кіевъ, куда стремится всякій набожный человѣкъ. Бесѣды благоговѣйныхъ монастырскихъ старцевъ, красота богослуженія и вдохновенность лаврскихъ напѣвовъ, воспоминаніе жизни и подвиговъ преподобныхъ Антонія и Феодосія съ ихъ послѣдователями, наконецъ, та благодать, которая носится въ воздухѣ Кіево-Печерской лавры,—все это окончательно укрѣпило монашеское настроеніе Петра. Но на Аѳонѣ ему попасть скоро не удалось. Въ то время была задержка въ выдачѣ паспортовъ въ турецкія владѣнія русскимъ паломникамъ, и Петръ прожилъ около трехъ лѣтъ на Одесскомъ Аѳонскомъ подворьѣ, при чемъ несъ послушаніе по сбору пожертвованій на Аѳонскій Пантелеймоновъ монастырь. Тутъ онъ былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Пахомія.

Когда онъ, наконецъ, очутился на Аѳонѣ, то сталъ вести самую строгую жизнь. Первый онъ вставалъ къ ночной службѣ, начинающейся на Аѳонѣ въ часъ пополудни, первый приходилъ въ церковь и послѣдній уходилъ изъ нея. Стѣснялъ себя въ трапезной ѣдѣ, и больше вникалъ въ происходившее за трапезой чтеніе житій, чѣмъ занимался ѣдой. По окончаніи трапезы, ни съ кѣмъ не разговаривая, онъ молча уходилъ къ себѣ въ келью.

Какъ-то онъ замѣтилъ, что нѣсколько старцевъ являются откуда-то наканунѣ праздниковъ съ кувшинами и сумками и, выстоявъ ночное бдѣніе и обѣдню, на другой день, то есть, въ самый праздникъ, уходятъ передъ вечеромъ куда-то опять. Онъ узналъ, что это пустынники, которые проводятъ по шести дней въ пустынь, среди безмолвія упражняясь въ молитвѣ.

Тогда Петру захотѣлось самому посмотрѣть на жизнь от-

шельниковъ и, дождавшись свободнаго времени, онъ отправился посмотрѣть на ихъ труды и былъ пораженъ ихъ подвигами, какіе увидѣлъ.

Были иноки, которые простаивали на молитвѣ и въ пѣніи псалмовъ цѣлыя ночи. Другіе стояли днемъ неподвижно съ открытой головой, босыми ногами на солнцѣ, муча себя зноемъ и жаждой. Иные налагали на себя тягчайшій постъ. Нѣкоторые стояли на камняхъ на колѣняхъ, избитыхъ до крови, оцѣпенѣвшихъ отъ несчетныхъ поклоновъ. Петръ запомнилъ эти подвиги и впоследствии наложилъ ихъ на самого себя.

Онъ однажды простоялъ сто двадцать ночей, не передвигая ногъ, у гроба Господня; въ Иосафатовой долинѣ у Іерусалима и въ Палестинѣ въ пустынѣ Синайской мучилъ себя зноемъ, повторяя молитву мытареву, какъ потомъ мучилъ себя холодомъ въ Соловецкомъ Анзерскомъ скиту. Затѣмъ, когда онъ, вернувшись на родину, сталъ подвижничать въ родномъ селѣ, то ровно полгода, съ перваго октября до двадцать пятаго марта—съ Покрова Богородицы до Благовѣщенія жилъ безвыходно въ затворѣ у себя въ кельѣ, стоя на камнѣ подобно столпнику въ желѣзныхъ веригахъ и въ желѣзномъ наголовникѣ. Онъ всегда съ благодарностью вспоминалъ о тѣхъ учителяхъ, у которыхъ онъ научился этимъ подвигамъ.

Насмотрѣвшись на этихъ старцевъ, отецъ Пахомій, вернувшись въ монастырь, сталъ сейчасъ же просить настоятеля, чтобы онъ позволилъ ему раздѣлить ихъ труды. Но настоятель нашель его слишкомъ молодымъ и мало подготовленнымъ, и только послѣ восьми лѣтъ жизни на Аѳонѣ онъ могъ вступить въ семью отшельниковъ.

Послѣ праздниковъ, имѣя съ собою нѣсколько прѣсныхъ хлѣбовъ, молодой подвижникъ радостно шелъ въ скитъ, и тамъ переносилъ всяческіе подвиги, не давая себѣ ослабѣть, такъ что удивлялъ опытныхъ, привычныхъ подвижниковъ.

На Аѳонѣ Пахомій былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Пантелеймона. Послѣ пострига онъ получилъ совѣтъ ити въ Россію и обращать тамъ раскольниковъ. Ему было также предсказано, что мѣсто, гдѣ онъ поселится, будетъ ему и другимъ во спасеніе, что тамъ онъ воздвигнетъ иноческую обитель и тамъ кончитъ свои дни.

Безъ особой радости возвращался новый инокъ къ себѣ домой. На Аѳонѣ онъ не только не встрѣчалъ никакихъ препятствій къ духовной жизни, но видѣлъ вокругъ себя возбуждающіе его ревность примѣры. Здѣсь же въ Россіи ему предстояло встрѣтиться съ женой и вынести борьбу съ ней. Его ждало также издѣвательство родственниковъ и сельчанъ и не-

извѣстность, чѣмъ онъ будетъ кормиться. Мало того, аѳонскіе старцы наказывали ему еще присылать пожертвованія имъ, на Аѳонъ.

Печальное положеніе засталъ онъ у себя дома. Сгорѣвшій домъ его не былъ возстановленъ, не было также и скота. Жена, увидя его монахомъ съ длинными волосами, подняла громкій плачъ, оплакивая его, какъ покойника. Собравшіеся родственники стали спрашивать его, кто будетъ кормить его дѣтей, такъ какъ, кромѣ двоихъ умершихъ сыновей, у него осталось въ живыхъ три дочери.

Пантелеймонъ отвѣчалъ имъ словами Спасителя о томъ, что тотъ, кто оставитъ домъ, или братію, или сестеръ, или дѣтей, или села ради имени Христова, «сторицею пріиметъ и животь вѣчный наслѣдитъ». На эти слова раздался только смѣхъ. Къ положенію, и безъ того тяжелому, прибавились еще заимодавцы, которые давали женѣ его деньги взаймы и требовали уплаты. Отецъ Пантелеймонъ, въ видѣ уплаты, далъ въ аренду заимодавцамъ на нѣсколько лѣтъ свою землю и затѣмъ принялся строить себѣ келью.

Вдали отъ села, на своемъ отцовскомъ надѣлѣ, неподалеку отъ сельскаго кладбища, онъ поставилъ врытую въ землю крошечную келью. Она вмѣщала только одну печку. Келья была такъ мала, что поставить въ ней кровать не представлялось возможности. Прежде она служила сторожевой будкой на биржѣ, и всѣ стѣны ея были въ сквозныхъ дырахъ, такъ что Пантелеймону пришлось забить ихъ деревянными гвоздями. Тутъ онъ поселился, сталъ заниматься молитвой, совершая правило по своему аѳонскому обычаю. Но какая была тутъ разница съ его аѳонскою жизнью!

Какъ только жена его узнала, что онъ никого къ себѣ въ затворъ не пускаетъ, она явилась къ кельѣ, стала шумѣть и кричала въ единственное окно, требуя, чтобы мужъ вышелъ къ ней. Онъ выдержалъ характеръ и не выходилъ. Она рѣшила тогда поставить на своемъ. Съ ранняго утра пришла она разъ къ землянкѣ и, всунувъ голову въ оконце, выла по нѣскольку часовъ подрядъ, не переставая.

Эта выходка собрала любопытныхъ и праздныхъ людей. Стали раздаваться шутки и остроты.

Въ концѣ концовъ Пантелеймону пришлось выйти къ женѣ, и ему удалось убѣдить ее оставить его въ покоѣ, и искать себѣ утѣшенія въ странствованіи по святымъ мѣстамъ. Онъ вызвался самъ провести жену въ Кіевъ и Москву. И они, дѣйствительно, отправились въ путь, присоединивъ къ себѣ жену мѣстнаго

священника съ дочерью. Вотъ, какъ вспоминала объ этомъ богомольѣ священническая жена.

«Всѣхъ насъ путешественниковъ было четверо: Петръ Савельичъ съ женой и я съ дочерью. Петръ Савельичъ былъ нашимъ путеводителемъ. Онъ сказывалъ и предупреждалъ насъ, въ какой городъ или село мы придемъ, гдѣ будемъ останавливаться. На немъ была монашеская одежда, и, благодаря этому обстоятельству, мы часто останавливались на ночлегъ въ монастыряхъ. По приходѣ на какое-нибудь мѣсто Петръ Савельичъ, прежде всего, вынималъ изъ ранца икону Смоленской Божіей Матери, клалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и затѣмъ отправлялся просить дозволенія, чтобы насъ помѣстить куда-нибудь на ночлегъ. Устроивши насъ, онъ бралъ съ собою икону и уходилъ ночевать въ церковный притворъ, гдѣ опять становился на молитву. Въ Москвѣ Пантелеймонъ водилъ насъ по всѣмъ монастырямъ и храмамъ, гдѣ есть святая мощи или чудотворныя иконы, къ которымъ мы прикладывались или слушали молебны; водилъ насъ смотрѣть на Ивана Великаго, царь-пушку, царь-колоколь, дворецъ и прочее. Во все время нашего пребыванія (около мѣсяца) въ Москвѣ, Троицкой лаврѣ и Новомъ Іерусалимѣ—намъ было какъ-то особенно хорошо и легко; время шло незамѣтно, и мы ни разу не скучали и не вспоминали о своихъ домахъ, а до того времени по пути въ Москву моя спутница Прохорова частенько таки плакала и шла какъ-то неохотно. Изъ Москвы до Кіева путь для насъ былъ гораздо легче. Помолвившись передъ мощами святыхъ московскихъ, мы получили душевное успокоеніе и подкрѣпленіе для нашихъ слабыхъ силъ и шли теперь, не такъ утомляясь, какъ прежде. Въ Кіевѣ Пантелеймонъ, показавъ намъ всѣ пещеры и святыни, долго убѣждалъ насъ, чтобы мы прожили здѣсь въ лаврѣ не менѣе шести недѣль и не выходили бы отсюда, ничему полезному не научившись. Пожелавъ намъ душевной пользы и душевнаго спасенія, онъ разстался съ нами и отправился въ Іерусалимъ ко Гробу Господню».

Можно представить себѣ то благоговѣйное чувство, которое во Святой Землѣ охватило душу Пантелеймона. Въ Іерусалимѣ особенно былъ пораженъ онъ, когда вошелъ въ храмъ Воскресенія, въ которомъ собраны два священнѣйшихъ по воспоминаніямъ для всего человѣчества мѣста: Голгова, на которой былъ распятъ Христосъ, камень мвропомазанія, на которомъ было произведено умащеніе благовоніями тѣла Божественнаго Страдальца, и пещера Гроба Господня.

Когда вы вступаете въ дверь великаго святилища и сдѣлаете нѣсколько шаговъ, предъ вами открывается видъ гро-

мадной, лежащей на землѣ мраморной высокой плиты, вокруг которой теплятся неугасаемыя лампы: это и есть камень муропомазанія.

Пантелеймонъ подошелъ къ святилищу, когда двери его были заперты, и черезъ оконце въ дверяхъ онъ могъ слышать отрывки богослуженія. Онъ видѣлъ огни лампадъ, теплящіеся надъ священнымъ камнемъ муропомазанія и мерцающіе, какъ огненные глаза.

Многочисленные богомольцы терялись среди обширнаго темнаго пространства. Совершенно пустая пещера Гроба Господня, сверкая серебромъ и мраморомъ, вся свѣтилась горѣвшими въ ней огнями.

На слѣдующій день Пантелеймонъ, отдохнувъ, пошелъ на всю ночь молиться на Голгоѳу. Это лучшее время для молитвы, для сосредоточенія, для бесѣды со Христомъ, такъ какъ ничто не развлекаетъ молящагося и нѣтъ тѣхъ шмыгающихъ повсюду любопытныхъ путешественниковъ, которые приносятъ въ священнѣйшее мѣсто много любопытства и мало благоговѣнія.

Тутъ одиноко, припавъ головой къ холодному мрамору пола, въ слезахъ русскій паломникъ молился, чтобы Господь далъ миръ его душѣ, чтобы Онъ примирилъ съ ея участью жену мужа, оставившаго все и послѣдовавшаго за Христомъ, чтобы Онъ далъ ему вернуться домой и посвятить родинѣ остающіяся въ немъ силы и молитвы...

Отъ мольбы въ этомъ священнѣйшемъ мѣстѣ земли онъ вынесъ великое успокоеніе духа и рѣшимость безропотно нести свой крестъ до конца.

Онъ молился и въ Геѳсиманіи, тамъ, гдѣ было положено пречистое тѣло Богоматери, у тѣлъ Ея родителей. Въ Геѳсиманіи онъ приобрѣлъ искусно исполненную икону Богоматери, которая хранится, какъ святыня, въ основанной имъ Костычевской общинѣ.

Отпраздновавъ праздникъ Пасхи въ Іерусалимѣ, Пантелеймонъ пошелъ по другимъ мѣстамъ Палестины. Онъ былъ у колодца Іакова близъ Сихема и, напившись воды изъ него, вспоминалъ, какъ Христосъ бесѣдовалъ тутъ съ женой-самарянкой и пилъ воду изъ этого самага колодца.

Онъ былъ въ Назаретѣ и своими стопами измѣрялъ дорогу отъ дома Іосифа до колодца, откуда Богоматерь приносила воду для домашнихъ нуждъ. Онъ поднималъ на себя тѣ водоносы, съ которыми арабскія женщины ходятъ за водой и которые, вѣроятно, остались неизмѣнными отъ тѣхъ завѣтныхъ дней. Потомъ, въ Сиріи, онъ осматривалъ гору Кармилъ, имя которой соединено съ памятью великихъ пророковъ Іліи и

Елисея. Изъ Сириі вернулся онъ снова въ Іерусалимъ. Тутъ онъ провелъ сто двадцать ночей босой на плитахъ храма Воскресенія. Онъ былъ тутъ почти одинъ, такъ какъ русскіе богомольцы обыкновенно послѣ Пасхи возвращаются домой. Ему казалось, что никто не подсматриваетъ за нимъ, что его молитва никому невѣдома.

Между тѣмъ, иноки Святогробскаго греческаго братства слѣдили за ночнымъ богомольцемъ и знали объ его подвигахъ, объ иконѣ, которую онъ носитъ въ ранцѣ, и о веригахъ. Однажды извѣщенный о немъ патріархъ предъ самымъ началомъ литургіи позвалъ Пантелеймона къ себѣ въ алтарь и велѣлъ ему достать Смоленскую икону Богоматери и поставить ее близъ горняго мѣста. Патріархъ предсказалъ при этомъ: «эта икона прославится на твоей родинѣ, а твои труды приняты предъ престоломъ Господнимъ».

Въ великомъ смущеніи стоялъ передъ патріархомъ русскій богомольецъ, а патріархъ велѣлъ дать ему отрѣзокъ цѣпи, которая протягивалась на страстной седмицѣ отъ Гроба Господня, чтобы сдерживать народъ, и велѣлъ носить этотъ конецъ цѣпи вмѣстѣ съ веригами и такъ какъ впослѣдствіи отъ цѣпи нельзя было больше ничего отрѣзать, то свою святыню Пантелеймонъ считалъ единственной.

Изъ Іерусалима Пантелеймонъ снова отправился въ новое странствованіе. Онъ былъ въ Іерихонѣ и на Іорданѣ. Тутъ, въ монастырѣ святаго Іоанна Предтечи, онъ прожилъ нѣсколько дней и получилъ тамъ икону, писанную на круглomorphicъ камнѣ съ двустороннимъ изображеніемъ главы Іоанна Предтечи.

Потомъ онъ побывалъ въ обители Саввы Освященнаго. Жизнь въ ней тяжела, при изнурительномъ жаркомъ климатѣ и пустынной безжизненной мѣстности. Тутъ Пантелеймонъ провелъ не мало времени, молился и дѣлилъ труды монаховъ. Потомъ онъ побывалъ съ караваномъ въ Аравійской пустынѣ и пробрался на Синай.

Это былъ тяжкій путь,—днемъ стоялъ нестерпимый жаръ, а ночью онъ дрожалъ отъ холода, такъ какъ была зима. Путь до самаго Синая лишенъ колодезей и источниковъ, такъ что въ теченіе шести недѣль приходилось пить дурную воду изъ бурдюковъ, которые везли на верблюдахъ. А взятый съ собою кукурузный хлѣбъ до того зачерствѣлъ, что надо было разбивать его камнемъ и размачивать въ водѣ, подогрѣтой на кострахъ изъ верблюжьяго помета.

Не доходя нѣсколько станцій до Синая—на караванъ напали бедуины и начали грабить. Пантелеймонъ вынулъ изъ ранца икону, отошелъ немного въ сторону и началъ усердно мо-

литься Божіей Матери, Заступницѣ всѣхъ христіанъ. И бедуины, ограбивъ караванъ и всѣхъ проводниковъ, его не тронули, и всѣ вещи, какія онъ везъ съ востока на родину, остались цѣлы. Онъ всегда приписывалъ свое спасеніе, именно, заступленію Божіей Матери.

Мѣстность около Синая такая же безжизненная, какъ и окружающая Синай пустыня. Съ Синайскихъ горъ текутъ нѣсколько источниковъ, около которыхъ пріютились поселенія и монастыри.

Во все время своего пребыванія на Синаѣ (около пяти недѣль) Пантелеймонъ мало жилъ въ общежительныхъ монастыряхъ, а уходилъ въ горы, гдѣ наблюдалъ жизнь тамошнихъ отшельниковъ, которые живутъ въ пещерахъ горъ, неподалеку отъ какого-нибудь источника.

Отшельники четыре часа стоятъ на молитвѣ, столько же времени употребляютъ на работу, обтѣсывая камни для продажи въ Суэцъ и Александрію; четыре часа стоятъ на пѣніи, столько же времени спятъ, затѣмъ опять работаютъ. На ночь укрываются въ пещерахъ, дно которыхъ устилаютъ мохомъ или сухими листьями, и тамъ спятъ. Здѣсь русскій подвижникъ также, по образцу этихъ отшельниковъ, упражнялся въ молитвѣ и дѣланіи, но не нашель для себя подходящаго образца отшельнической жизни.

Путешествуя по горахъ, онъ собралъ здѣсь много окаменѣлыхъ грибовъ и окаменѣлыхъ растеній самой причудливой формы и все это привезъ съ собою на родину: они въ особомъ ящикѣ съ надписями до сихъ поръ сохраняются въ его кельѣ.

Въ Египтѣ (въ городѣ Александріи) Пантелеймонъ пробылъ не долго, потому что не нашель тамъ удовлетворенія своимъ духовнымъ запросамъ и оттуда направился въ Россію. Мимоѣздомъ онъ побывалъ опять на святой горѣ Авонской, гдѣ вторично получилъ новое подтвержденіе старцевъ подвижаться на родинѣ и обращать тамъ раскольниковъ. Побывавъ на обратномъ пути въ Кіевѣ и въ Москвѣ и поклонившись мощамъ святыхъ чудотворцевъ печерскихъ и святителей московскихъ, любознательный подвижникъ захотѣлъ осмотрѣть и Соловецкіе острова.

Здѣсь, задержавшись позднею осенью для подробнаго изученія жизни соловецкихъ и анзерскихъ монаховъ, путникъ и не замѣтилъ, какъ послѣдній пароходъ ушелъ къ устью Двины, и онъ принужденъ былъ остаться на островахъ зимовать. Въ сущности, онъ былъ радъ этой невольной остановкѣ.

Здѣсь ему нравилось. Монахи сами вездѣ работали: они работали въ кузницахъ, верфяхъ, докахъ, сами плели канаты,

сами дѣлали и обжигали кирпичи; въ рѣчкахъ и озерахъ островъ ловили рыбу. Во всѣхъ этихъ работахъ Пантелеймонъ принималъ участіе, а когда настала суровая полярная зима, онъ поселился въ Анзерскомъ скитѣ, гдѣ ему больше всего нравилась продолжительная служба и подвижническая жизнь иноковъ, похожая на аѳонскую. Только на третій годъ путешественникъ прибылъ на родину, и монахъ Пантелеймонъ началъ спокойно, ни для кого не замѣтно, продолжать свои аскетическіе труды.

Жена его уже больше не беспокоила; побывавъ въ Кіевѣ и въ другихъ святыхъ мѣстахъ, она, видимо, успокоилась.

Изъ далекихъ странствованій своихъ, изъ той земли, гдѣ совершалъ дѣло нашего спасенія Господь Иисусъ Христосъ, Пантелеймонъ явился домой съ еще болѣе закаленнымъ духомъ. Ему хотѣлось новыхъ подвиговъ, новыхъ трудовъ.

Онъ поселяется въ той же убогой кельѣ близъ кладбища, и, чтобы наложить на себя страданія тѣлесныя, надѣваетъ тяжелыя желѣзныя вериги, рѣшается стоять подолгу на гранитномъ камнѣ и обрекаетъ себя на молчаніе.

Вериги, которыя онъ надѣлъ на себя, были найдены случайно однимъ изъ крестьянъ села Костычей, который вытащилъ ихъ своей лейкой, черпая въ бочку воду изъ Волги. Онъ думалъ употребить вытащенную цѣпь для домашняго хозяйства, какъ, разсматривая ее, увидалъ скрѣпляющій ее осьмиконечный крестъ, на которомъ была вырѣзана надпись: «Азъ язвы Господа моего ношу на тѣлѣ». Узнавъ объ этой цѣпи, мѣстный діаконъ посовѣтовалъ передать находку затворнику.

Кромѣ веригъ, затворникъ носилъ еще два желѣзныхъ креста, общимъ вѣсомъ восемь фунтовъ, и желѣзный обручъ на головѣ. Всего вѣсу въ веригахъ, крестахъ и обручѣ было тридцать пять фунтовъ. Всѣмъ этимъ томилъ онъ себя отъ перваго октября до двадцать лятаго марта. И во все это время онъ никого не принималъ и никому не отвѣчалъ, дѣлая исключеніе для своего духовника, который предъ днемъ Рождества Христова приходилъ къ нему, чтобы отъисповѣдовать и причастить его Святыхъ Тайнъ. Питался онъ прѣснымъ хлѣбомъ и кувшиномъ воды. Сперва хлѣбъ для него пекла священническая жена Сокольская, а затѣмъ мало-по-малу вошло въ обычай посѣтителей приносить хлѣбъ затворнику и класть черезъ маленькое оконце въ сѣни на полку.

Почти безвыходно двадцать лѣтъ труженикъ подвизался въ убогой кельѣ, оставляя свой затворъ лишь весной, ко дню праздника Благовѣщенія, когда онъ приходилъ въ храмъ для исповѣди и причастія.

Тотъ гранитный камень, на которомъ онъ обыкновенно стоялъ на молитвѣ, отъ продолжительнаго стоянія и частаго колѣнопреклоненія сдѣлался чернымъ, какъ будто полированнымъ. На немъ онъ до утрени стоялъ на молитвѣ, кладя земные поклоны.

Въ теченіе сорока лѣтъ у затворника не было постели. Онъ, повидимому, никогда не ложился даже на полу. Но видали, какъ онъ около полуночи дремлетъ стоя, опершись на костыль и прислонившись спиной къ печкѣ. Только въ послѣдніе четыре года своей жизни онъ сталъ ложиться на кровать изъ голыхъ досокъ, съ камнемъ въ изголовьѣ. На этотъ камень онъ вмѣсто подушки укладывалъ кожаный ранецъ, съ которымъ онъ обыкновенно ходилъ по святымъ мѣстамъ.

Суровъ и немилостивъ былъ его постъ. Среду и пятницу онъ проводилъ совсѣмъ безъ пищи, а въ остальные дни онъ питался прѣснымъ хлѣбомъ и колодезной водой. Онъ считалъ чай роскошью, не позволительной даже и мірянамъ. И при началѣ общины, когда нѣкоторые пили чай, онъ возставалъ противъ этого, считая чаепитіе лишь вредною для здоровья потерей времени.

Много пришлось перенести ему искушеній, которыя обыкновенно красною нитью проходятъ черезъ жизнь подвижниковъ въ годы ихъ окончательнаго духовнаго роста. По ночамъ онъ слышалъ у своей кельи шумъ, громъ и выстрѣлы. Однажды буря снесла крышу кельи, такъ что во внутренность ея натекла вода. Разъ ему почудилось, что вся келья его объята пламенемъ. Разъ призраки явились въ видѣ солдатъ, которые понуждали его выйти изъ кельи и стали быстро разбрасывать и крышу, и даже стѣны.

Священническая жена Е. Сокольская такъ рассказываетъ объ этомъ случаѣ: «Однажды, около полуночи, Пантелеймонъ стоялъ на молитвѣ. Раздался стукъ въ дверь и крикъ: «Отпирай, старикъ, благочинный пріѣхалъ предъявить тебѣ указъ»... Старикъ молчитъ, не отпираетъ.—«Отпирай говорятъ тебѣ»,— раздается уже голосъ благочиннаго... Голосъ благочиннаго онъ зналъ, и этотъ голосъ былъ, дѣйствительно, весьма похожъ на благочиннаго. «Отпирай, а не то велю солдатамъ разломать твою кельенку». Старецъ опять не отвѣчаетъ. Тогда раздается команда, и мѣрнымъ шагомъ идутъ солдаты, слышится бряцаніе ружей. Стѣны разломаны, потолокъ раскиданъ быстро. Когда стѣны кельи были на половину разбросаны, подуль вѣтеръ. Волосы на головѣ у старца стали шевелиться. Наконецъ, раздается грозный голосъ: «Вотъ—онъ, ребята, берите его!» Старецъ испугался и упалъ безъ чувствъ. Когда онъ очнулся, пер-

вымъ движеніемъ его было схватиться за снурокъ, который былъ проведенъ къ колокольчику изъ его кельи въ недавно отстроенное однимъ благодѣтелемъ помѣщеніе жены его. Она тотчасъ же пришла и спросила, что ему нужно. Старецъ черезъ окно сказалъ ей, чтобы она позвала матушку Сокольскую съ дочерью: тамъ-де она знаетъ, зачѣмъ (15-лѣтняя Ольга Сокольская была у него читальщицею). Сокольская наскоро собралась, разбудила дочь и велѣла ей захватить съ собою акаѣистникъ. По приходѣ онѣ увидѣли подвижника блѣднымъ и измученнымъ. Онъ велѣлъ Ольгѣ читать акаѣистъ Божіей Матери и потомъ святителю Митрофану, и во все время до утра со слезами молился; а утромъ отпустилъ ихъ домой и на прощанье рассказалъ о происшествіи этой ужасной ночи и о своей слабости».

Мало-по-малу народъ прослышалъ про костычевскаго отшельника, и отовсюду стали стекаться къ нему люди, ищущіе прозорливаго совѣта, помощи душѣ, вразумленія, благодати.

Протрудившись двадцать лѣтъ въ затворѣ, отецъ Пантелеймонъ, наконецъ, раскрылъ всѣмъ жаждущимъ двери своей кельи. Онъ принималъ къ себѣ всякаго съ удивительнымъ дѣтскимъ незлобіемъ, простотою и кротостью. Множество больныхъ, бѣсноватыхъ и падучихъ получали отъ него облегченіе въ своихъ страданіяхъ. Онъ любилъ мазать недужныхъ масломъ изъ лампы у Смоленской иконы Богоматери или давалъ пить святой воды, и больные исцѣлялись.

Къ тому времени относится великій переломъ въ народной жизни, связанный съ освобожденіемъ крестьянъ. Между прочимъ, нѣкоторые крестьяне выражали дарованную имъ волю тѣмъ, что переходили въ расколъ. Изъ раскольниковъ отцу Пантелеймону посчастливилось вернуть въ лоно православной церкви до двухъ тысячъ душъ.

Крестьянскій паренъ Степанъ Васильевичъ Сергѣевъ страдалъ болью лѣвой ноги и ломотой всего тѣла, продолжавшейся четыре мѣсяца, Сергѣевъ не могъ даже ходить. Его родственники посовѣтовали ему съѣздить въ Костычевъ. Прибывъ туда и отстоявъ обѣдню, онъ отправился къ старцу, который изъ лампы предъ Смоленскою иконою помазалъ больныя части тѣла Сергѣева и промолвилъ: «Нѣтъ, ты теперь здоровъ, и еще въ солдаты годишься». По прибытіи домой онъ совершенно выздоровѣлъ. Черезъ два года былъ принятъ въ военную службу и, пробывъ въ ней около семи лѣтъ, возвратился обратно совершенно здоровымъ.

Самарской губерніи ставропольскій мѣщанинъ, Тимоѣей Алексѣевичъ Жариновъ, до встрѣчи своей съ отцомъ Панте-

леймономъ много пилъ вина и страдалъ запоемъ, при чемъ былъ во хмелю чрезвычайно буйный. Но убѣжденія старца, его молитвы имѣли на больного такое вліяніе, что онъ бросилъ не только пить, но и курить, тогда какъ раньше не выпускалъ трубку изо рта. Онъ выстроилъ отдѣльную отъ семейства келью и повелъ трезвую, благочестивую жизнь.

Вотъ, разсказъ исцѣленнаго старцемъ отъ запоя сызранскаго мѣщанина Ермолая Никифоровича Жигарева. «Послѣ молебствія съ водосвященіемъ старецъ позвалъ меня къ себѣ въ келью, съ сочувствіемъ и расположеніемъ посадилъ меня на стулъ, такъ какъ руки и ноги у меня тряслись и стоять я не могъ. Потомъ далъ выпить чашку святой воды. Когда я пилъ, то чувствовалъ, что у меня внутри какъ будто что-то отдирается, отстаетъ, и, какъ только выпилъ первую чашку святой воды, тоска прекратилась. Потомъ старецъ приказалъ мнѣ пить святую воду по утрамъ и по наступленіи тоски въ теченіе шести недѣль, и я въ точности исполнялъ его повелѣніе. И вотъ, съ тѣхъ поръ въ теченіе девяти лѣтъ уже больше не пилъ. Было у меня послѣ этого въ семьѣ нѣсколько веселыхъ свадебъ, но меня къ вину не тянуло, хотя гости назойливо приставали ко мнѣ, чтобы я выпилъ, но я устоялъ противъ соблазновъ. Другой же мой товарищъ, который тоже страдалъ отъ запоя, при поѣздкѣ къ старцу не получилъ облегченія отъ болѣзни, потому что не исполнялъ того, что приказывалъ дѣлать старецъ: продолжалъ понемногу выпивать водки, вмѣсто воды, и за это теперь страдаетъ по-прежнему»

Старецъ исцѣлилъ также кузнеца села Елшанки, Сызранскаго уѣзда, Василия Васильева. Онъ какъ-то въ чаоткѣ пріѣхалъ къ старцу въ Костычи и получилъ исцѣленіе. Въ благодарность онъ сдѣлалъ иконостасъ для иконы Смоленской Божіей Матери изъ большихъ мѣдныхъ листовъ, которые высебрилъ на свой счетъ.

Одинъ мальчикъ Василій былъ глухъ отъ рожденія, изъ ушей у него вытекалъ гной. Въ девятилѣтнемъ возрастѣ мальчика отвезли въ училище, къ родственнику, учителю Расторгуеву. Тотъ пробился съ нимъ два года, и, наконецъ, призналъ дальнѣйшее ученіе невозможнымъ. Тогда бабушка мальчика повезла его въ Костычи осенью 1882 года. Старецъ помолился Богу, помазалъ ухо масломъ изъ лампады отъ Смоленской иконы. По пріѣздѣ домой мальчику стало лучше, и онъ сталъ слышать. Исцѣленный былъ приготовленъ тѣмъ же учителемъ въ первый классъ духовнаго училища, а затѣмъ проходилъ курсъ семинаріи.

У матери — священнической вдовы — была горбатая дочь

Анастасія, не способная ни къ какому труду. Когда матери исполнилось семьдесятъ лѣтъ, обѣ стали тужить, что мать скоро умретъ, и больная дочь останется безъ всякой поддержки. Обѣ онѣ въ печальныхъ думахъ отправились искать помощи отъ отца Пантелеймона. Онѣ утѣшилъ ихъ, и въ заключеніе сказалъ дочери: «не печалься, мать тебя похоронить», и дѣйствительно, черезъ годъ дочь умерла раньше матери, которая ее схоронила, а сама умерла еще черезъ годъ.

Многія лица, сочувствующія старцу, приносили ему въ жертву свѣчи, масло, иконы, деньги и даже драгоценности. Деньги онѣ препровождалъ по почтѣ аеонскимъ старцамъ, которые его о томъ просили, а драгоценности, сукно и холстъ онѣ часто посылалъ съ хорошимъ своимъ знакомымъ, Мартыновымъ, въ Іерусалимъ и въ разныя другія мѣста Палестины.

Какъ-то, около 1866 года, несмотря на то, что онѣ щедро отправлялъ въ разныя мѣста приносимыя ему пожертвованія, у него въ кельѣ случился такой заваль всевозможныхъ жертвъ, что онѣ не зналъ, что ему съ ними дѣлать. Тутъ вспомнились ему слова аеонскихъ старцевъ, что онѣ положитъ основаніе новой обители и въ ней скончаетъ свои дни. И въ эти именно дни и зародилась въ немъ мысль устроить монастырь.

Онѣ поплылъ въ третій разъ на Аеонъ, чтобы получить благословеніе старцевъ на устройство обители. Старцы одобрили это намѣреніе и посовѣтовали ему взяться за устройство монастыря. Но дѣло было сложное, трудное и сомнительное, и силы для новаго подвига онѣ рѣшилъ искать въ Іерусалимѣ.

Онѣ девять мѣсяцевъ молился у Гроба Господня днемъ и ночью. Въ послѣднюю ночь передъ утромъ онѣ въ легкой дремотѣ видѣлъ, будто ангелы Господни спустились къ нему и дали ему вѣтку винограда съ тремя крупными продолговатыми ягодами.

Это сновидѣніе сильно укрѣпило его, и онѣ сталъ хлопотать объ устройствѣ общины. Теперь ничто не могло сломить его настойчивости. Семь разъ ему пришлось ѣздить по дѣлу общины въ Петербургъ, при чемъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ онѣ имѣлъ счастье быть представленнымъ государю императору Александру Второму.

Возвращаясь на родину изъ Іерусалима, старецъ заѣхалъ въ Саровъ. Онѣ уже не разъ побывалъ тамъ и подражалъ своею жизнью нѣкоторымъ подвигамъ старца Серафима. Теперь онѣ пріѣхалъ для того, чтобы посмотрѣть поближе находящуюся въ пятнадцати верстахъ отъ Сарова женскую Дивѣвскую обитель, являющуюся любимымъ дѣтищемъ великаго старца подвижника Серафима.

Ему понравилось въ обители радостное настроеніе монахинь и ихъ постоянные труды, соединенные съ молитвою. Онъ увидаль тутъ, какъ сами онъ пряли и жали хлѣбъ и косили сѣно. Ему нравилось, что повсюду въ храмахъ горѣли неугасимыя лампы и въ кельѣ первоначальницы обители, боярыни Агафіи Симеоновны Мельгуновой читали непрерывно псалтирь объ упокоеніи строителей и благодѣтелей обители. Эту знаменитую обитель отецъ Пантелеймонъ и взялъ за образецъ для будущей своей общины.

Прежде всего, по возвращеніи домой, отецъ Пантелеймонъ задумалъ поставить церковь. Но у него не было письменнаго свидѣтельства на владѣніе имъ восемью десятинами земли, которую онъ предполагалъ сдѣлать основнымъ участкомъ для обители. Поэтому духовенство не позволяло ему ставить храмъ, а крестьяне не давали ему этого документа, такъ какъ постройка храма должна была потребовать съ ихъ стороны большихъ расходовъ, и вотъ—они не давали ему ни приговора на владѣніе землей, ни выдѣляли его изъ общества.

Въ этихъ недоразумѣніяхъ прошло нѣсколько лѣтъ, и съ горя отецъ Пантелеймонъ отправился, было, опять на богомолье вопреки слову аѳонскихъ старцевъ, которые какъ разъ сказали ему никогда больше по богомольямъ не ходить. За нарушеніе послушанія онъ потерпѣлъ кару, такъ какъ въ дорогѣ ослѣпъ и долженъ былъ вернуться обратно. Онъ не видѣлъ еще въ продолженіе сорока дней.

Кто-то надоумилъ его подать прошеніе, чтобы ему разрѣшили строить церковь какъ бы кладбищенскую, на его надѣлѣ, который какъ разъ соприкасался съ кладбищемъ. Эта просьба была уважена; въ 1869 году была освящена деревянная церковь, и по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ ней стала совершаться служба. Притокъ пожертвованій не прекращался. Жертвовали книги и предметы ризницы и иконы.

Тогда воодушевленный построеніемъ и благоустройствомъ храма, подвижникъ сталъ хлопотать у крестьянъ, чтобы они выдѣлили ему надѣлъ. Долго пришлось ему хлопотать, но, наконецъ, въ концѣ села у станціи желѣзной дороги крестьяне отвели ему землю и закрѣпили ее за отцомъ Пантелеймономъ своимъ приговоромъ. Несмотря на то, что было далеко переносить церковь и другія постройки, схимникъ былъ этому радъ, такъ какъ на собственной землѣ его никто не смѣлъ беспокоить. Каково же было его горе, когда онъ узналъ, что въ теченіе ночи его мѣсто кто-то обвелъ заборомъ и собирается на немъ что-то строить. Волостное правленіе ему сказало, что одинъ богатый крестьянинъ, числящійся за Костычами и еще никогда тамъ не

жившій, выправиль у старшины документъ на то, что это мѣсто принадлежитъ ему, и задумаль устроить тутъ винный складъ.

Пришлось снова хлопотать, выпрашивать, и по окончаніи года дѣло кончилось тѣмъ, что мѣсто осталось за обидчикомъ, а Пантелеймону приходилось искать себѣ другого мѣста. Но этого было мало.

На Пантелеймона посылались доносы, что онъ задумаль какую-то противоправительственную и враждебную секту, что у него собираются люди, которые не имѣютъ паспортовъ. Дѣйствительно, къ о. Пантелеймону собиралось много дѣвиць и вдовъ, привлеченныхъ слухомъ, что у него устраивается монашеская община. Около новаго храма было поставлено нѣсколько домовъ, которые эти пришлые и заселили.

Тѣ, которыя были способныя и грамотныя—ихъ старецъ пріучаль пѣть и читать въ храмѣ. Остальныя занимались уходомъ за садомъ, за пчельникомъ и огородомъ. Въ неоткрытой еще общинѣ уставъ и порядокъ былъ заведенъ такой, какъ бываетъ въ монастыряхъ.

Къ счастью, мѣстная полиція давала о Пантелеймонѣ отзывы, что онъ человекъ хорошій и религіозный и что всѣ собранныя имъ люди молятся Богу.

Мѣстный становой приставъ, служившій когда-то въ военной службѣ, вслѣдствіе контузіи и происшедшей отсюда болѣзни перевелся по неспособности къ военной службѣ въ службу гражданскую. Онъ долженъ былъ содержать многочисленное бѣдное семейство, вдову-мать, младшихъ братьевъ и сестеръ. Мать его вдова часто искала у старца утѣшенія, и онъ всегда ее успокаиваль. По рассказамъ матери, приставъ почиталь отца Пантелеймона и поэтому даваль о немъ хорошіе всегда отзывы.

Но, въ концѣ-концовъ, постоянные доносы, постулавшіе къ исправнику, и необходимость отписываться объ отцѣ Пантелеймонѣ, не спросясь начальства, сильно ему надобли, и онъ велѣлъ разогнать всѣхъ собравшихся у Пантелеймона.

Когда исправникъ пріѣхаль въ Костычи и вошелъ въ храмъ, то засталъ въ немъ старца, стоящимъ колѣнопреклоненнымъ на камнѣ и окруженнымъ молящеюся паствою. Раздраженный исправникъ мгновенно стихъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ строго спросилъ его: «Что ты тутъ, старикъ, дѣлаешь?»

Старецъ поднялся на ноги и, ласково посмотрѣвъ на исправника, не отвѣтилъ ему на вопросъ, а самъ сказалъ ему: «Помолись ты сперва Богородицѣ, да приложись вотъ къ святынѣ... Она, Царица Небесная, милостива ко всѣмъ намъ... Икона эта у меня съ Аѳона со святыми молящими».

Что-то удержало исправника отъ возраженія. Онъ кротко приложился къ иконѣ, быстро посмотрѣлъ на всю толпу, окружавшую старца, и сказалъ ему: «Ну, старикъ, какъ живешь, такъ и живи». И тотчасъ же исправникъ уѣхалъ. Съ тѣхъ поръ доносы болѣе не возобновлялись.

Однако, дѣла монастыря не двигались впередъ. И только черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ устройства храма отцу Пантелеймону удалось получить приговоръ на выдѣленіе двухъ десятинъ для общины у сельскаго кладбища и шести десятинъ пахоты за селомъ. Къ этому же времени на стекшіяся къ нему пожертвованія ему удалось купить около двухсотъ десятинъ земли въ Николаевскомъ уѣздѣ. А сосѣдняя помѣщица Агѣева пожертвовала въ той же мѣстности пятьдесятъ десятинъ. Все это было достаточное обезпеченіе для насущныхъ расходовъ обители. Тѣмъ не менѣе, препятствія не прекращались: двѣсти пятьдесятъ десятинъ были расположены за Волгой въ Самарской губерніи и въ шестидесяти верстахъ отъ мѣста устройства самой общины.

Ходатайство старца въ Святѣйшемъ Синодѣ не подвинуло дѣла впередъ, пока онъ въ Петербургѣ не встрѣтился съ однимъ вельможей, который познакомилъ его съ извѣстнымъ строителемъ храма Воскресенія, архимандритомъ Игнатіемъ. При поддержкѣ этихъ лицъ было, наконецъ, разрѣшено открыть общину. Извѣстіе объ этомъ старецъ прочелъ въ газетахъ 15-го октября 1883 года.

Такимъ образомъ, только передъ смертью старецъ увидѣлъ сбывшимся то обѣтованіе, съ которымъ его посылали въ Россію дорогіе ему афонскіе старцы.

Но во все время борьбы, которую онъ вынесъ, ничто не могло лишить его христіанскаго терпѣнія и удивительнаго его чистаго дѣтскаго незлобія. Когда до него дошло столь долгожданное извѣстіе объ открытіи общины, онъ воскликнулъ: «Ну, слава Богу! Теперь я могу уйти на покой въ затворъ и удалиться отъ васъ».

Вскорѣ онъ почувствовалъ, что смерть близка. За двѣ недѣли до кончины онъ сталъ говорить: «Я скоро уйду отъ васъ»... Онъ сталъ обходить всѣ кельи общины, наставлялъ монашествующихъ, какъ надо жить по-монашески, искореняя въ себѣ дурныя привычки и страсти. Сестры нуждались въ этихъ наставленіяхъ, такъ какъ большинство изъ нихъ были не привычны къ монашеской жизни и, быть можетъ, не понимали всей высоты монашескихъ обѣтовъ.

Одна изъ инокинь такъ рассказываетъ о послѣднихъ дняхъ старца: «За двѣ недѣли до своей смерти батюшка-старецъ об-

ходилъ кельи всѣхъ сестеръ, прощаясь со всѣми, и говорилъ, что онъ уходитъ отъ насъ. Мы всѣ думали, что онъ уходитъ отъ насъ въ затворъ и нисколько не предполагали, что скоро настанетъ его конецъ. Между прочимъ, онъ зашелъ и ко мнѣ въ келью и долго бесѣдовалъ со мною. Изъ всей бесѣды я хорошо запомнила только слѣдующее: «Ахъ, Катерина, Катерина! Какое ты имя-то хорошее носишь! Твой ангелъ—святая великомученица Екатерина... Смотри, какой она имѣетъ пресвѣтлый вѣнецъ (при этомъ онъ указалъ рукою на икону святой великомученицы Екатерины, стоящую у меня въ кіотѣ); ты вотъ слишкомъ лѣнива Богу-то молиться, а то и ты могла бы приобрести такой же вѣнецъ. Какъ было прежде, такъ и нынѣ. Пренія мученицы страдали явно, а нынѣшнія тайно, сердечными скорбями, и мзда имъ будетъ такая же».

За двѣ недѣли до кончины старецъ обходилъ кельи сестеръ общины, прощался и объявлялъ, что скоро уйдетъ отъ нихъ. Онѣ думали, что онъ удалится на Аюнь или въ затворъ. Зайдя въ избу, гдѣ жила скотница, старецъ наставлялъ ее, какъ надо молиться, сколько часовъ работать, и показывалъ, какъ надо дѣлать свѣчи изъ своего воска. Старецъ рассказывалъ ей, что въ Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ есть до тысячи ульевъ и монахи сами дѣлаютъ свѣчи для обихода своихъ церквей. Прозорливость его высказалась ядъ этой дѣвушкой, когда онъ черезъ два дня встрѣтилъ ее на дорогѣ.

— Что ты несешь?—спросилъ старецъ.

— Пирогъ работникамъ,—отвѣчала та.

— А зачѣмъ ты сама наблась такъ рано? Ты должна подавать примѣръ младшимъ, а не соблазнять ихъ!

При этомъ старецъ сердито ткнулъ палкой въ скотницу и затѣмъ сказалъ ей:

— На пятомъ году моего затвора увидишь, что тебѣ будетъ худо.

Дѣйствительно, черезъ четыре года по кончинѣ старца скотница сдѣлалась сильно больна и даже говорила своему духовнику, что умереть, такъ какъ старецъ предсказалъ, что ей будетъ худо. Но она выздоровѣла и тутъ на пятомъ году понесла тяжкое гоненіе. Ее оклеветали, удалили изъ кельи старца, гдѣ она въ послѣдніе годы жила, въ скотную избу, потомъ за грубость изгнали совсѣмъ изъ общины, и только послѣ многихъ бѣдствій и скитаній она была принята въ Костычи обратно.

Самарская мѣщанка Поляева была въ кельѣ старца за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины. Онъ совѣтовалъ ей захватить къ нему еще разъ, при чемъ—сказалъ:

— На зиму я уйду на поксй.

— Монастырь-то кто будет достраивать?—спросила его посѣтительница.

— А Царица-то Небесная!—съ вѣрой произнесъ старецъ. Церковь у насъ будетъ большая каменная.

Показывая планъ храма, старецъ говорилъ, что храмъ будетъ двухъ-этажный каменный, и что послѣ его ухода пять лѣтъ будетъ мятежь въ общинѣ.

Слыхали это предсказаніе отъ старца и другія сестры, и дѣйствительно, все сбылось по словамъ его. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его кончинѣ, въ общинѣ начались разныя неурядицы, раздоры. Сестры понемногу разбрелись въ разныя стороны, и черезъ три года изъ тридцати пяти начальныхъ сестеръ оставалась въ Костычахъ только настоятельница и дѣвочка-сиротка, послушница.

Еще до разрѣшенія общины старецъ радостно говорилъ: «монастырь скоро здѣсь будетъ, и монастырь богатый». Когда многимъ передавали эти слова старца, эти люди сомнѣвались и замѣчали: «Ему во всѣхъ просьбахъ отказываютъ, а онъ все свое о монастырѣ твердитъ, да еще о какомъ то корпусѣ на десяти головахъ»... Между тѣмъ, когда въ общинѣ былъ устроенъ прекрасный корпусъ на десяти сажняхъ, вспомнили, что говорилъ старецъ о корпусѣ на десяти головахъ.

Перваго января 1884 года, передъ полуднемъ, старецъ позвонилъ въ колокольчикъ. Дежурная послушница, войдя къ нему, нашла его лежащимъ на полу. Было замѣтно, что онъ передъ тѣмъ хотѣлъ затопить у себя печку, отворилъ ее, вынулъ крышку изъ трубы и тутъ, почувствовавъ себя дурно, упалъ, не успѣвъ дернуть за шнурокъ. Руки и ноги у него были безъ движенія, и языкъ произносилъ плохо, такъ что еле можно было разобрать его слова. Къ шести часамъ вечера ему стало легче. Лежа на постели, онъ крестился и просилъ привести священниковъ. Одинъ изъ батюшекъ исповѣдывалъ его и причастилъ святыхъ Христовыхъ Таинъ. Затѣмъ уже два священника вмѣстѣ совершили таинство Елеосвященія. Несмотря на слабость, съ искренней вѣрой и благоговѣніемъ приступилъ старецъ къ таинству и въ слезахъ прислушивался къ молитвамъ св. Елеосвященія, при чемъ — поручалъ обитель свою Царицѣ Небесной.

Силы разомъ оставили старца, который такъ долго напрягался и тѣломъ и духомъ, ведя завѣтное дѣло устройства общины. Онъ былъ на видъ крайне слабъ, дыханіе становилось все рѣже и рѣже. Къ нему приходилъ народъ за послѣднимъ благословеніемъ. Онъ знаками показавъ, чтобы всѣмъ приходившимъ выдавали маленькіе крестики и иконки, которые онъ не

задолго до того привезъ изъ Сергіевой пустыни. Третьяго числа онъ сталъ еще слабѣе и почти не могъ говорить. Къ вечеру онъ впалъ въ забытѣе, но духъ его бодрствовалъ. Надо думать, что въ эти послѣднія минуты жизни онъ неотступно, душой еще находившейся въ тѣлѣ, молился Богу и Пречистой Матери о судьбѣ основанной имъ общины.

Онъ еще очнулся и громко сказалъ: «Отгребите снѣгъ отъ святыхъ воротъ, новотульскіе ѣдутъ, везутъ четыре воза пшеницы, надо ихъ встрѣтить».

Нѣкоторые подумали, что старецъ бредитъ и не двинулись исполнять его приказаніе, и только двѣ сестры пошли отгребать снѣгъ.

Между тѣмъ, новотульскіе крестьяне, дѣйствительно, привезли въ это время пшеницу въ жертву обители и въѣхали во дворъ уже послѣ кончины старца.

Послѣ этихъ послѣднихъ словъ старецъ сталъ учашенно креститься. Рука его все ослабѣвала. Наконецъ, произведя въ послѣдній разъ крестное знаменіе, рука безсильно упала, а онъ тотчасъ же безмятежно почилъ. Это было вечеромъ съ третьяго на четвертое января, въ одиннадцать часовъ.

Быстро со всѣхъ сторонъ сталъ сходиться народъ къ почившему. Сперва пришли сосѣдніе крестьяне, потомъ сталъ сходиться народъ изъ болѣе далекихъ мѣстъ. Пять дней гробъ старца оставался въ домѣ, и все это время служили панихиды. Народъ съѣзжался изъ Сызрани, Кузнецка, Сенгилея, Ставрополя, Самары и Николаевского уѣзда.

Одинъ изъ николаевскихъ крестьянъ, Козьма Казаковъ изъ села Вязоваго Гая, рассказалъ, что въ ночь кончины старца онъ дважды видѣлъ сонъ, въ которомъ одна изъ сестеръ общины и самъ старецъ звали его къ себѣ и дали ему бумажный билетикъ на дорогу. Онъ во снѣ отговаривался, что онъ не грамотенъ и не понимаетъ, что написано въ бумажкѣ.

— Приѣзжай,—сказалъ старецъ, тамъ увидишь, что нужно тебѣ дѣлать.

Такъ какъ сонъ повторился два раза, то онъ не смѣлъ не откликнуться на зовъ, быстро собрался и приѣхалъ.

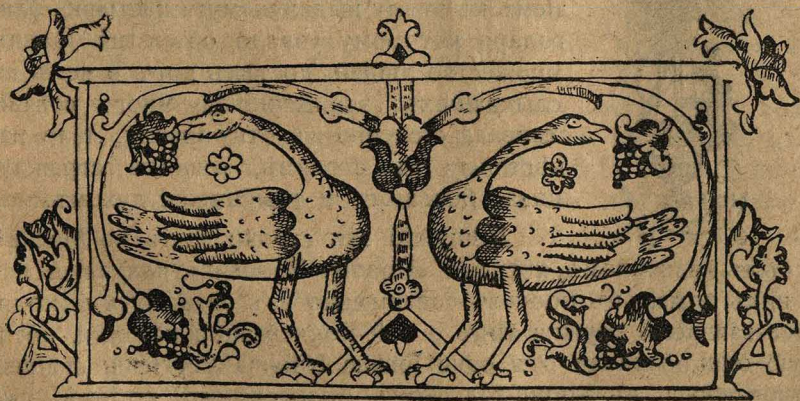
Козьма Казаковъ былъ облагодѣтельствованъ старцемъ, который однажды исцѣлилъ его чашкой святой воды отъ страсти пьянства, и въ другой разъ, когда тотъ упалъ съ палатей съ переломомъ ребра, исцѣлилъ его священнымъ елеемъ, привезеннымъ изъ Іерусалима. Всею душой почитая старца, онъ не полѣнился выѣхать къ нему за сто двадцать верстъ.

Четвертаго и пятаго января прошли сильныя бури, а за-

тѣмъ насталь канунъ Богоявленія и самый праздникъ Богоявленія, и похороны были отложены до восьмого числа.

Окрестнымъ духовенствомъ было совершено торжественное отпѣваніе тѣла и произнесено нѣсколько надгробныхъ словъ, въ которыхъ выяснено значеніе старца для окрестнаго населенія. Тутъ же изъ устъ священниковъ было сообщено о сверхъестественной помощи старца, оказанной имъ больнымъ. Въ два часа пополудни, послѣ долгаго прощанія народа съ останками подвижника, гробъ былъ вынесенъ изъ храма и опущенъ въ могилу близъ алтаря съ сѣверной стороны. Надъ могилой былъ водруженъ черный крестъ съ простыми словами:

«Здѣсь погребенъ схимонахъ Пантелеймонъ, подвизавшійся съ 1840 года».

СТАРИЦА ПАРАСКЕВА ИВАНОВНА КОВРИГИНА.

ОЧЕНЬ многія изъ лицъ, приверженныхъ къ великому пастырю и молитвеннику русской земли, незабвенному о. Иоанну Кронштадтскому при его жизни и чтущихъ память его по его кончинѣ, никогда не слышали о женщинѣ, скромной по житейскому положенію своему, но богатой вѣрою и умудренной ревностью о славѣ Божественной и усердіемъ къ этому выдающемуся пастырю, благодаря которому узнало объ отцѣ Иоаннѣ множество людей, до тѣхъ поръ о немъ не слыжавшихъ: эта женщина, много содѣйствовала стеченію къ отцу Иоанну, мало извѣстному въ столицѣ, всякихъ страждущихъ, больныхъ и томящихся духомъ.

Пишущій эти строки жилъ въ Москвѣ и былъ мальчикомъ, когда въ «Новомъ Времени», получавшемся у нихъ дома, онъ прочелъ совершенно изъ ряда вонъ выходящее заявленіе кружка лицъ о той, молитвенной помощи, которую они получали отъ отца Иоанна Ильича Сергіева, священствовавшего въ кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ, уже тогда имя его, почти совершенно неизвѣстное до той газетной статьи, запомнилось. Конечно, это газетное заявленіе произвело гораздо еще болѣе сильное впечатлѣніе и получило гораздо болѣе широкую огласку въ томъ Петербургѣ, который такъ близокъ географически къ Кронштадту, и который скоро явился такимъ широкимъ полемъ для дѣятельности этого великаго пастыря.

Крестьянка Параскева Ивановна Ковригина родилась четырнадцатаго октября 1816 года въ двѣнадцати верстахъ отъ города Галича, Костромской губерніи, въ деревнѣ Фалашно,

Воскресенскаго прихода, Глазуново-Бушневской волости, Чу-
хломскаго уѣзда.

Семья Ковригиныхъ, числившаяся крѣпостными князя Долгорукова, состояла изъ отца, матери, четырехъ сыновей и двухъ дочерей. Параскева Ивановна принадлежала къ числу тѣхъ непритязательныхъ, скромныхъ, работящихъ, умныхъ и даровитыхъ женщинъ, на которыхъ держится русская жизнь.

Она не отличалась счастливою наружностью, но была богата красотой душевною. Въ смиреніи и кротости своей она была молчалива и раскрывала уста или тогда, когда говорили о религіи, или когда надо было кого нибудь утѣшать въ домѣ. Покорная, заботливая дочь, — она дорожила родительскимъ благословеніемъ. Съ восемнадцати лѣтъ ей пришлось принять на руки все домашнее хозяйство. Этимъ она воспользовалась для того, чтобы удовлетворить свое душевное усердіе въ приѣмѣ странниковъ и странницъ. Родные на это поварчивали, но она безъ споровъ продолжала свое дѣло, и никто не уходилъ изъ ихъ дома безъ того, чтобы она его чѣмъ-нибудь да не надѣлила.

Ея большая разсудительность, уживчивый, кроткій и добрый характеръ доставили ей уваженіе всего околотка, но она этимъ не величалась, и всѣ ея старанія были направлены къ тому, чтобы не быть замѣченной.

Ее за себя многіе сватали. И такъ какъ въ то время крѣпостныхъ дѣвицъ выдавали замужъ, часто не спрашивая ихъ согласія, и такъ какъ отецъ Параскевы, Иванъ Ивановичъ, страшился для дочери брака по принужденію, то онъ выкупилъ ее на волю. И благодаря этому поступку отца, Параскева Ивановна получила возможность безпрепятственно служить Христу.

Многое изъ духовной жизни узнала она изъ бесѣдъ съ прирѣзаемыми ею странниками и странницами. Хотя среди этихъ людей встрѣчаются просто и пустосвяты, выдумщики, но есть не мало тайныхъ и подчасъ, быть можетъ, и великихъ рабовъ Божіихъ.

Параскева любила читать духовныя книги. Особенно же нравились ей житія святыхъ. По уваженію ея къ церкви, ее огорчало, если кто нибудь говорилъ неуважительно о религіи или осуждалъ духовенство.

Село ихъ лежало отъ деревни въ разстояніи семи верстъ. Несмотря на свои хлопоты по хозяйству, Параскева не пропускала ни одного праздничнаго или воскреснаго дня безъ того, чтобы посѣтить свою приходскую церковь. Посѣщеніе храма или какого нибудь недалекаго монастыря часто было для нея настоящимъ подвигомъ, такъ какъ сопровождалось опасно-

стями; темною ночью и ненастной погодою ей приходилось пробираться одной къ мѣсту своего моленія.

Мало-по-малу, Параскева, не покидая семьи, которая разраслась уже до двадцати человекъ, стала временами отлучаться въ болѣе дальніе монастыри. Особенно часто она ходила въ расположенный на Волгѣ Рѣшемскій монастырь, въ которомъ въ тѣ годы жилъ старецъ іеромонахъ Иларіонъ, находившійся въ свое время подъ руководствомъ великаго Саровскаго старца Серафима.

Отецъ Иларіонъ поддерживалъ духовное настроеніе Параскевы. Онъ обладалъ даромъ прозорливости и направилъ ея жизнь по новому руслу, когда сказалъ ей въ своемъ послѣднемъ съ нею свиданіи:

— Въ Кронштадтѣ есть великій свѣтильникъ церкви Христовой, священникъ отецъ Іоаннъ. Иди туда, Параскева, и служи при немъ.

Параскева Ивановна была въ это время уже въ лѣтахъ—около пятидесяти шести лѣтъ. Жизнь ея, казалось, окончательно опредѣлилась, раздѣляемая между работою въ родной семьѣ въ качествѣ опытной хозяйки и хожденіемъ по церквамъ и святынямъ. Но, имѣя добродѣтель послушанія, она довѣрилась безъ разсужденія предсмертной волѣ своего старца, и поѣхала послѣ его смерти въ Кронштадтъ.

Тамъ уже давно жили два ея брата. Одинъ имѣлъ средства, но былъ скупъ; а другой былъ бѣденъ, но зато радушенъ и гостеприименъ. У него больше всего Параскева Ивановна и оставалась.

На людей, впервые встрѣчавшихся съ отцомъ Іоанномъ, самый внѣшній видъ его производилъ необычайно сильное впечатлѣніе. Эта отрывистая, властная рѣчь, высоко поднятая, даже нѣсколько закидывающаяся назадъ голова, этотъ пронзительный взглядъ смѣлыхъ, ясныхъ, сильныхъ и, въ то же время, добрыхъ глазъ и несомнѣнная сила, чувствовавшаяся въ немъ—все сразу охватывало человекъ.

Особенно же сильное впечатлѣніе производилъ онъ, когда видали его въ первый разъ тамъ, гдѣ онъ былъ сильнѣе всего, на народѣ среди молящейся толпы — той самой толпы, которую онъ увлекалъ къ Богу своимъ пламеннымъ молитвеннымъ восторгомъ.

Можно-же себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе произвелъ онъ на Параскеву Ивановну, которая, еще не зная его, и никогда его не видавъ, получила отъ своего старца послушаніе служить ему, которая услышала отъ этого старца пророчесвенныя слова:

— Въ Кронштадтѣ есть великій свѣтильникъ церкви Христовой, отецъ Іоаннъ.

Она сразу почувствовала какую-то глубокую духовную связь съ отцомъ Іоанномъ, и сказала себѣ, что въ этомъ чловѣкѣ ея судьба. Тутъ, въ это первое посѣщеніе кронштадтскаго собора, Параскева Ивановна принимаетъ благословеніе отъ отца Іоанна, тутъ уговаривается съ нимъ насчетъ будущей своей исповѣди у него и получаетъ его согласіе раньше исповѣди въ откровенной бесѣдѣ раскрыть ему свою душу.

Въ первое время отецъ Іоаннъ поселилъ Параскеву у одной бѣдной женщины, находившейся подъ его заботой, и просилъ эту женщину обращаться со старушкой, какъ съ родной своей матерью.

Тутъ же, съ первой поры пребыванія въ Кронштадтѣ, какъ-то незамѣтно, сама собою, началась благотворительная дѣятельность Параскевы Ивановны по утѣшенію людей скорбныхъ и выправленію людей павшихъ, свернувшихъ съ истиннаго пути.

У той Шляпниковой, которая пріютила у себя Параскеву Ивановну, было тяжелое горе, состоявшее въ нетрезвости мужа. Временами онъ въ пьяномъ видѣ даже буйствовалъ. Раздраженная, измученная, несчастная жена въ этихъ случаяхъ обыкновенно начинала съ нимъ ругаться, что, конечно, пьянаго не только не успокаивало, но приводило его въ еще большее неистовство.

Параскева Ивановна посовѣтовала бѣдной женщинѣ, вмѣсто того, чтобы руганью еще больше разогорчать мужа, молчать, читая про себя молитвы. И это средство помогло.

Какъ только напившійся мужъ начиналъ кричать, его жена начинала въ себѣ тайную молитву, и буйство мужа немедленно падало, и это сдѣлалось, въ концѣ концовъ, залогомъ его совершеннаго исправленія.

Въ то время отецъ Іоаннъ былъ почти совершенно неизвѣстенъ. Въ Кронштадтѣ его знали по нѣсколько особеннымъ формамъ, въ которыя облакалось у него богослуженіе: рѣзкая, отрывистая, какъ бы требующая отъ Бога того, о чемъ онъ молится, форма, въ которой онъ произносилъ за богослуженіемъ возгласы и молитвы.

Люди, чуткіе духовно, удивлялись и читали его пастырскую ревность, которая побуждала его разыскивать, поддерживать и стремиться къ исправленію всякихъ слабыхъ, порочныхъ людей, дѣлить горе съ плачущими, лишать себя послѣдняго, чтобы помочь нуждающемуся.

Но, въ общемъ, о немъ еще не знали, мало говорили и не

понимали, какого великаго пастыря имѣть въ отцѣ Іоаннѣ православный міръ.

Значеніе Параскевы Ивановны Ковригиной въ томъ, что она первая,— правда, по слову своего отходящаго старца,— замѣтила и поняла всю великую силу и выдающееся значеніе для Россіи отца Іоанна. Своей сожительницѣ Параскева Ивановна тогда же сказала:

— Запоминай всѣ батюшкины слова, ибо онъ великій свѣтильникъ.

Въ этотъ свой пріѣздъ въ Кронштадтъ ей удалось пожить тамъ недолго, такъ какъ производившіяся дома постройки требовали ея возвращенія. У себя на родинѣ она прожила почти три съ половиной года, но все это время думала, главнымъ образомъ, о Кронштадтѣ.

Съ декабря 1872 года ей удалось устроить свои дѣла такъ, что она перебралась въ Кронштадтъ окончательно и прожила въ немъ всѣ четырнадцать лѣтъ своей остальной жизни.

По переселеніи ея въ Кронштадтъ можно было видѣть Параскеву Ивановну подолгу прогуливающуюся по городскимъ улицамъ съ отцомъ Іоанномъ, также всюду сопровождающую его, съ жаждою его разспрашивавшую и внимательно внимающую его словамъ и поученіямъ. И, при простотѣ нравовъ небольшого города, много любопытствующихъ, знавшихъ и не знавшихъ Параскеву Ивановну, тутъ же на улицѣ просили ее объяснить имъ, что особаго она видитъ въ отцѣ Іоаннѣ. И ей приходилось постоянно объяснять этимъ людямъ, какъ благотворно дѣйствуютъ на душу ея совѣты этого пастыря, какъ обновляется душа въ бесѣдѣ съ нимъ, какой приливъ силъ чувствуется у нея послѣ исповѣди передъ нимъ.

Нашлись люди, которые случайныя бесѣды съ Параскевой Ивановной хотѣли продлить и, время отъ времени, возобновлять, стали совѣтоваться съ нею о своихъ дѣлахъ, черезъ нее спрашивали совѣтовъ у отца Іоанна.

Считая себя совершенно недостаточной для такого руководства людьми, Параскева Ивановна упросила отца Іоанна назначить частныя духовныя бесѣды въ домахъ нѣкоторыхъ набожныхъ людей и оповѣщала объ этихъ бесѣдахъ желающихъ, но только изъ вѣрующаго населенія города.

Сперва эти бесѣды, по тому самому, что дѣло было новое, вызвали нѣкоторыя недоумѣнія и осужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ Іоаннъ обличалъ пороки. Многіе считали себя обиженными такими обличеніями.

То, что не было понято слушающими, Параскева Ивановна поясняла потомъ яснѣе послѣ бесѣды и удивляла отца Іоанна,

такъ какъ она хорошо знала Священное Писаніе и была начитана въ твореніяхъ святыхъ отцовъ. Черезъ Параскеву Ивановну имя отца Іоанна начинало пріобрѣтать все большую и большую извѣстность.

По смиренію своему отецъ Іоаннъ, какъ человѣкъ чрезвычайно откровенный, строго журилъ Параскеву Ивановну, такъ какъ зналъ, что слава человѣческая часто бываетъ во вредъ душѣ и боялся за себя. Но Параскева Ивановна была увѣрена въ томъ, что дѣлаетъ доброе и нужное дѣло и нисколько не оскорблялась такой журьбой.

Приближался памятный для отца Іоанна день двадцатипятилѣтняго юбилея его священства.

Параскева Ивановна захотѣла ознаменовать этотъ день чѣмъ-нибудь особеннымъ, и она принялась собирать деньги на поднесеніе батюшкѣ подарка.

Надо замѣтить, что въ то время священники не имѣли на груди серебрянаго креста, что было введено къ коронаціи императора Николая II, а носили лишь кресты золотые, жалованные отъ Свуда.

Отецъ Іоаннъ былъ чрезвычайно смущенъ, когда услыхаль о предполагавшемся чествованіи и поднесеніи ему креста и долго ни за что не хотѣлъ соглашаться принять этотъ крестъ. Потребовались долгіе уговоры, чтобы онъ, наконецъ, на это согласился...

Когда отецъ Іоаннъ сталъ извѣстенъ, къ нему текли пожертвованія не тысячами, а сотнями тысячъ. Но тутъ, при малой его извѣстности, большихъ трудовъ и хлопотъ стоило Параскевѣ Ивановнѣ собрать восемьсотъ рублей, которые были употреблены на покупку креста.

Вотъ слова, въ которыхъ вылились чувства отца Іоанна при поднесеніи этого креста:

«Вы принсите мнѣ въ даръ, какъ выраженіе вашей любви, вашей вѣры и благочестія, этотъ драгоценный крестъ. Но какъ я возложу его на перси, когда Пастыреначальникъ Господь Іисусъ несъ деревянный крестъ на раменахъ Своихъ для принятія неправедной казни за насъ, изнемогая подъ тяжестью его! Какъ я буду носить его, когда я не научился еще у Него полагать душу свою за овцы стада Его; когда я не научился еще распинать плоть свою съ ея страстями и похотями; когда не научился еще жить не себѣ, а Ему, ради насъ умершему и воскресшему, когда еще богопротивное самолюбіе въ разныхъ видахъ живетъ во мнѣ и не рѣдко омрачаетъ душу мою? Развѣ для обличенія себѣ буду я носить его на своихъ персяхъ, въ которыхъ еще не горитъ постояннымъ пламенемъ любовь къ

Распятому и къ тѣмъ, за кого Онъ распятъ? Простите мнѣ мое недоумѣніе и мое колебаніе. Мы готовы на полученіе награды, но не всегда готовы на самоотверженіе».

Съ послѣдовательною дѣловитою настойчивостью и убѣжденностью женщины, преслѣдующей свѣтлую идею, Параскева Ивановна продолжала свое дѣло ознакомленія русскаго міра съ отцомъ Іоанномъ. Недовольная извѣстностью, которую она доставила ему въ Кронштадтѣ, она стала распространять его имя въ столицѣ: съ помощью нѣкоего К. О. Кудрявцева, въ квартирѣ котораго велись сперва бесѣды отца Іоанна, Параскева Ивановна знакомить съ отцомъ Іоанномъ многія семейства, сперва принадлежащія къ трудовому населенію столицы, главнымъ образомъ, къ обитателямъ Сѣнной, и молитвы отца Іоанна производять среди этихъ людей, несомнѣнно, чудеса: исцѣляются недуги, между враждующими членами семьи водворяется миръ: люди, измѣнявшіе женамъ, возвращаются къ супружеской вѣрности, и непокорныя дѣти приходятъ въ повиновеніе родителямъ.

Тогда Параскева Ивановна дѣлаетъ новый ходъ для того, чтобы имя отца Іоанна получило извѣстность и среди образованныхъ и состоятельныхъ круговъ столицы, и по ея почину въ самой распространенной уже и въ то время газетѣ «Новое Время», въ номерѣ отъ двадцатаго декабря 1883 года, за номеромъ двѣ тысячи восемьсотъ семь, появляется слѣдующая статья, черезъ которую громадное количество лицъ узнало объ отцѣ Іоаннѣ и стало обращаться къ нему. Вотъ—текстъ ея, озаглавленный: «Благодарственное заявленіе».

«Мы, нижеподписавшіеся, считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать искреннюю, душевную благодарность протоіерею Андреевскаго собора, что въ городѣ Кронштадтѣ, отцу Іоанну Ильичу Сергіеву, за оказанное намъ исцѣленіе отъ многообразныхъ и тяжкихъ болѣзней, которыми мы страдали и отъ которыхъ ранѣе не могла насъ исцѣлить медицинская помощь, хотя нѣкоторые изъ насъ подолгу лежали въ больницахъ и лѣчились у докторовъ. Но тамъ, гдѣ слабыя человѣческія усилія являлись тщетными, оказалась спасительною теплая вѣра во Всемогущаго Цѣлителя всѣхъ золь и болѣзней, ниспославшаго намъ грѣшнымъ помощь и исцѣленіе чрезъ посредство достойнаго предъ Господомъ, благочестиваго отца протоіерея. Святыми и благотворными молитвами сего, такъ много заслужившаго предъ Верховнымъ Зиждителемъ всѣхъ благъ, подвижника, всѣ мы не только получили полное избавленіе отъ угнетавшихъ насъ недуговъ тѣлесныхъ, но нѣкоторые изъ насъ чудесно исцѣлились и отъ немощей нравствен-

ныхъ, безповоротно увлекавшихъ ихъ на путь порока и погибели, и теперь, укрѣпленные столь явнымъ знакомъ Божьяго къ намъ милосердія, почувствовали силу оставить прежнюю грѣховную жизнь и пребывать болѣе твердыми на стези честнаго труда и богобоязненнаго поведенія. Считаая особенно полезнымъ, для назиданія многихъ въ наше маловѣрное время, заявить во всеобщее свѣдѣніе о такомъ видимомъ проявленіи неустанно пекущагося о грѣховномъ челоуѣчествѣ всеблагаго Промысла Божія, признаемъ неуклоннымъ долгомъ предъ лицомъ всѣхъ заявить свою глубокую благодарность столь много помогшему преподобному отцу протоіерею, прося его и на будущее время не забывать насъ грѣшныхъ въ своихъ молитвахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь твердо памятовать сами, сообщаемъ и для другихъ единственный, преподанный намъ многодостойнымъ пастыремъ-исцѣлителемъ, при нашихъ къ нему обращеніяхъ, высоковрачующій спасительный совѣтъ жить по Божьей правдѣ и, какъ можно чаще, приступать ко святому причастію».

Можно сказать, что съ помѣщеніемъ этой статьи земное призваніе Параскевы Ивановны было исполнено.

Россія узнала отца Іоанна, пошла къ нему, и съ тѣхъ поръ началась дѣятельность этого пастыря, непримѣрная по своей широтѣ—тотъ трудъ по всей Россіи отца Іоанна, по которому можно назвать его всероссійскимъ пастыремъ.

При празднованіи въ 1884 году тридцатилѣтія священства отца Іоанна, по почину Параскевы Ивановны, ему былъ поднесенъ второй наперсный крестъ, и въ произнесенной при этомъ рѣчи была произведена слѣдующая оцѣнка его дѣятельности, въ которой, быть можетъ, впервые онъ признанъ чудотворцемъ:

«Не тайна, что Вамъ, добрѣйшій отецъ нашъ, по вѣрѣ Вашей, дается благодать цѣлители недуговъ и язвы въ людяхъ. Не тайна, что по Вашимъ молитвамъ разслабленные укрѣпляются, болѣзни проходятъ, бѣсы прогоняются, унылые утѣшаются, семейства умиротворяются, благоденствіе въ жизни иныхъ водворяется, грѣшники закоснѣлые вразумляются; оставившіе храмы, забывшіе покаяніе, надолго погрязшіе въ безднѣ беззаконій, со слезами блуднаго сына возвращены Вашимъ вліяніемъ въ лоно матери—церкви православной и ведутъ благочестивую жизнь. Вѣдомо намъ, что Вы неустанно трудитесь во славу Божию, что притекающіе къ Вамъ съ вѣрою въ Бога и надеждою на Его помощь, при Вашемъ священномъ участіи и дѣйствіи, удостойваются Божія благословенія. И Вы сами спѣшите на помощь всюду, по мѣрѣ Вашихъ силъ. И убогая хижина, и большіе, богатые дворцы видятъ Васъ воздѣвающимъ

преподобныя руки Ваши на молитвѣ о болящихъ. Вы желаете быть «всѣмъ вся, дабы всяко нѣкія спасти»,—и по вѣрѣ Вашей бываетъ Вамъ. Черезъ Васъ вѣра въ православіе крѣпнеть, невѣріе обличается, честь священства возстановляется, слава Богу устами маловѣрныхъ возвѣщается, и вся церковь Христова радуется, что не оскудѣваетъ преподобный на землѣ, что Вы, любя Бога и ближняго всей душой, не ищете своихъ си».

Послѣдніе два года жизни своей Параскева Ивановна провела въ тихой, постоянной радости при видѣ возрастающей славы отца Іоанна. Но она предвидѣла еще большую славу, и говорила незадолго до смерти:

— Хотѣлось бы мнѣ прожить на землѣ еще два года, чтобы видѣть, какъ тысячи людей станутъ подходить къ нему и огромными толпами будутъ его встрѣчать и провожать.

Въ этихъ словахъ ея было одно изъ проявленій того духа прозорливости, который былъ въ ней несомнѣненъ, и вслѣдствіе котораго часто предупреждались великія несчастія.

Когда задумаешься надъ жизнью Параскевы Ивановны,—безъ которой великій кронштадтскій свѣтильникъ еще долгое время горѣлъ бы подъ спудомъ и, можетъ быть, никогда не получилъ бы столь широкой общерусской извѣстности, тогда невольно воспоминаешь о той доброй женѣ самарянкѣ, о которой повѣствуетъ Евангеліе. Когда эта самарянка услышала бесѣду Христа и ощутила въ ней благодатную силу, первымъ движеніемъ души ея было не утаивать того сокровища, которое открылось ей по милости Божіей. Но, открывъ это сокровище своимъ согражданамъ, она оставляетъ свой водоносъ и спѣшитъ въ городъ, чтобы рассказать тамъ обо всемъ, что услышала изъ устъ Христовыхъ.

Она убѣдила своихъ согражданъ идти слушать рѣчи Христовы, и тѣ стали приглашать Его къ себѣ на домъ. И, по ревности этой благородной женщины, которая выпавшимъ на долю ей счастьемъ поспѣшила сейчасъ же подѣлиться съ другими,—была утверждена въ этомъ городѣ вѣра во Христа.

Тотъ же подвигъ, но проведенный съ большими препятствіями и требовавшій большей вѣры и большихъ трудовъ, видимъ мы и въ жизни Параскевы Ивановны Ковригиной.

Тихо и мирно приближалась она къ великому переходу. Отецъ Іоаннъ ежедневно навѣщаль ее слабѣющую, когда она не могла уже выходить, и бесѣды ихъ были о покаяніи и о судьбѣ души, о Богѣ, о вѣчности и загробномъ мірѣ.

Отходящая отъ міра старица услаждала свою душу чтеніемъ и пѣніемъ псалмовъ, часто приобщалась и непостыдно почила двадцать четвертаго сентября 1886 года.

Отецъ Іоаннъ, приходя на панихиду къ Ковригиной, всякій разъ громко восклицалъ въ лицо покойницѣ:

— Здравствуй!

И вспоминались при этомъ слова Христовы надъ умершей дѣвицей: «Не умре дѣвица, но спитъ».

Множество народа изъ Кронштадта и Петрограда собралось на похороны ея. Прощаясь съ образомъ этой замѣчательной женщины, приведемъ описаніе ея личнаго знакомаго, псаломщика М. Д. Матисона, который въ такихъ выраженіяхъ вспоминаетъ о ней:

«Будучи лично знакомъ съ въ Бозѣ почившею и приснопамятною старицею Параскевою Ивановною Ковригиною, я считаю для себя недобросовѣстнымъ пройти молчаніемъ о томъ необыкновенномъ впечатлѣніи, которое усопшая навсегда оставила въ моей душѣ. Неоднократно посѣщая меня по своимъ богоугоднымъ дѣламъ, она съ перваго же раза буквально приковала все мое къ ней вниманіе, и надо было имѣть слѣпныя душевныя очи, и окаменѣлое сердце, чтобы не ощутить чего-то особеннаго, всмотрѣвшись въ эту почтенную старицу попристальнѣе, почему, не взирая на полное отсутствіе свободнаго времени, я съ величайшимъ и радостнымъ удовольствіемъ, жертвовала ей нѣсколько хотя и занятыхъ часовъ, дабы продлить ея присутствіе у меня и побесѣдовать съ ней попросту, по душѣ, раскрывая свои сердечныя больныя язвы, и ожидая отъ ея безхитростныхъ, но преисполненныхъ духовности, совѣтовъ врачеванія. Да и нельзя было не прилѣпиться всѣмъ сердцемъ къ этой благочестивой старушкѣ, съ какой стороны ни разсматривать ее. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ движеніяхъ, манерахъ, походкѣ—замѣчалось невозмутимое спокойствіе и степенность.

Все существо ея проникнуто было глубокимъ, неліцемернымъ смиреніемъ; но отнюдь безъ малѣйшей тѣни ханжества. Старческое, благообразное и въ высшей степени симпатичное лицо ея, именно лицо милой дѣвственницы, рѣзко бросалось въ глаза и неопытнаго наблюдателя своимъ отпечаткомъ долготѣнихъ, нравственно-душевныхъ и сердечныхъ страданій, великаго горя и житейскихъ невзгодъ. Взоръ, несмотря и на то обстоятельство, что усопшая носила большіе темносиніе круглые очки, выражалъ полнѣйшую покорность и преданность своей судьбы волѣ Того, Имъ же и цари царствуютъ и владыки владычествуютъ. Рѣчь—самая безыскусственная, простая, но плавная, ровная, проникнутая духомъ любви, омиренія, терпѣнія и краткословія,—такъ и лилась величественной и, въ то же время, тихой рѣчкой, пронизывала глубину души и облагодтво-

ряла сердце, вызывая чувства умиления и грѣховнаго сокрушенія и оставляя въ умѣ неизгладимое убѣжденіе суетности и тлетворности житейской. Словомъ, говоря короче, проще и яснѣе,—это былъ человѣкъ не отъ міра сего, человѣкъ по плоти и ангель по духу, каждое посѣщеніе котораго для незакоسة-нѣлой души и сердца—надолго оставляло слишкомъ благо-творное, сладостное и невыразимое во многомъ настроеніе. Если же ко всему этому прибавить истинно христіанскую, мир-ную кончину усопшей старицы Параскевы и умилительно трога-тельное стеченіе многочисленной публики, наполнившей Крон-штадтъ для отданія ей послѣдняго христіанскаго, братскаго долга при отпѣваніи и погребеніи, на которомъ удостоился при-сутствовать и я, то для каждого станетъ очевиднымъ, насколько жизнь старицы Параскевы была и трудна, и полезна, и горька, и благочестива, и преисполнена любви къ ближнимъ, которые платили ей обоюдную любовь. Въ заключеніе не могу умол-чать и о томъ, что усопшая старица Параскева послужила именно путеводнымъ указателемъ такого великаго свѣтила въ духовномъ мірѣ, каковъ глубокоуважаемый и достопочтеннѣй-шій Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ».

ИГУМЕНІЯ ДОСИВЕЯ

(основательница Вышневолоцкаго Казанскаго монастыря).

ВѢДНАЯ крестьянская дѣвушка, которая по избранію Божьему стала основательницей многочисленной, благолѣпно выстроенной женской обители и за короткое время молитвами и слезами вымолила у Бога то, что донинѣ кажется чудомъ: такова была жизнь смиренной подвижницы Досиеи.

Досиея родилась четырнадцатаго апрѣля 1826 года, въ деревнѣ Медвѣдевѣ. Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, среди того ярославскаго народа, который такъ выгодно отличается своею сметливостью, предприимчивостью и настойчивостью. Во святомъ крещеніи она названа была Александрой.

Отецъ семьи, Василій Салтыковъ, былъ крѣпостной крестьянинъ. Онъ копилъ цѣлую жизнь трудовыя свои деньги, чтобы выкупить себя и семью свою на волю. Когда же выкупился, вскорѣ умеръ.

Послѣ него остались безъ всякихъ средствъ къ жизни вдова его и четверо дѣтей. Младшая шестилѣтняя была Александра. Кроткая, тихая, задумчивая дѣвочка самоучкой выучилась читать и любила молиться.

Матери ея было очень горько, что ей не на что было заказать въ церкви сорокоусть по мужу и творить милостыню за упокой его души. Она говорила объ этой скорби своимъ дѣтямъ и уговаривала ихъ эту церковную молитву замѣнять усердной дѣтской молитвой, доходчивой до Бога. Сама она цѣлый день хлопотала по хозяйству, а ночи проводила въ горячей молитвѣ объ упокоеніи души своего мужа.

Всѣ эти обстоятельства произвели сильное впечатлѣніе на

впечатлительную маленькую Сашу. Она полагала всѣ силы своей души на молитвы за душу своего отца. Какъ-то разъ, оставшись у себя дома одна, она приставила окамеечку къ высокому столу, на которомъ лежала Псалтирь, открыла эту Псалтирь и стала читать ее вслухъ, думая о родителяхъ.

Во время усердной молитвы видитъ она вдругъ: передъ нею стоитъ, нагнувшись надъ священной книгой, со скрещенными на груди руками, какая-то дѣвочка, одѣтая вся въ бѣломъ.

Сперва Саша смотрѣла на нее съ изумленіемъ, потомъ испугалась и вскрикнула. Тогда прибѣжала мать, но видѣнія уже не было больше.

Еще другое благодатное озареніе посѣтило дѣвочку уже на двѣнадцатомъ году ея жизни. Она въ тонкомъ снѣ видѣла Господа на престолѣ. Направо отъ Него стояли души праведныхъ, а налѣво души грѣшныхъ. Ей были открыты уготованныя для нихъ муки.

Этотъ сонъ произвелъ на нее такое впечатлѣніе, что она стала молить Господа избавить ее отъ мукъ и наставить ее на путь правды.

Духовныя стремленія Салтыковой были такъ опредѣленны, что ей надобно было имѣть опытнаго руководителя въ духовной жизни. Господь послалъ ей такого руководителя въ лицѣ іеромонаха Адріана, праведнаго старца и подвижника, который жилъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Адриановомъ монастырѣ, у города Пошехонья, Ярославской губерніи.

Тутъ же жила, занимаясь печеніемъ просфоръ, старица-подвижница Матрона Ивановна Гулина. Отецъ Адріанъ поручилъ этой старицѣ ближайшее руководство Александрю, и десять лѣтъ ея юности протекли подъ заботой этихъ двухъ добрыхъ людей.

Приближаясь къ своей кончинѣ, отецъ Адріанъ въ 1853 г. посовѣтовалъ Гулиной обратиться къ заштатному священнику Іерусалимской слободы, близъ города Углича, отцу Петру Томаницкому, пользовавшемуся уваженіемъ нѣсколькихъ окрестныхъ губерній и прикрывавшему свое величайшее духовное «устройство» жизнью юродственною.

Когда отецъ Адріанъ скончался, Гулина переѣхала въ Угличъ. Ее сопровождали нѣсколько благочестивыхъ дѣвицъ, которыя жили подъ ея руководствомъ, составляя какъ бы маленькую общину.

Всѣ онѣ проводили жизнь монастырскую, строго подвижническую. Постоянныя молитвы и отреченіе воли были главными ихъ подвигами.

Къ этимъ дѣвушкамъ принадлежала и Александра Василь

евна Салтыкова. Такимъ образомъ, вся ея юность и зрѣлые годы прошли подъ руководствомъ выдающихся духовныхъ людей.

Ей было тридцать два года, когда, по совѣту отца Петра, она поступила въ Рыбинскій Софійскій монастырь, который вновь устраивался съ благословенія отца Петра.

Въ этомъ монастырѣ она прожила тринадцать лѣтъ, пока Промыслъ Божій не вручилъ ей большое дѣло устройства новой Казанской общины въ Вышнемъ Волочкѣ.

Такимъ образомъ, отцу Петру Томаницкому обязаны возникновеніемъ въ Ярославской епархіи Софійскій Рыбинскій женскій монастырь и въ Тверской—Казанскій Вышневолоцкій.

Послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ Рыбинскѣ мать Досиева получила отъ отца Петра благословеніе съѣздить на богомолье съ двумя хорошими знакомыми.

Она прежде всего проѣхала въ Вышній Волочекъ для поклоненія чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери, находившейся постоянно на мѣстѣ Ея явленія, въ церкви, въ полоторыхъ верстахъ отъ города, и приносимой ежегодно къ 1-му августа въ городской соборъ.

Когда мать Досиева очутилась передъ этой иконой, она преисполнилась величайшей радостью. Въ этой самой иконѣ она узнала ту икону, которую видѣла въ своей молодости во снѣ, живя еще дома.

Ей снилось тогда, будто она идетъ по большому лугу, и передъ нею много рабочихъ. Она спрашиваетъ ихъ—куда они идутъ. Они отвѣчаютъ, что по благословенію старцевъ Адриана и Петра они строятъ монастырь. Видитъ она потомъ уже готовую церковь. Въ церковь эту спускается большая икона Казанской Божіей Матери.

Здѣсь, передъ этой иконой, мать Досиева вспомнила во всѣхъ подробностяхъ тотъ знаменательный сонъ. По благоговѣнію ко святынѣ матери Досиева захотѣлось посѣтить и мѣсто явленія иконы въ полоторыхъ верстахъ отъ Вышняго Волочка, и тутъ зародилась въ ней мысль, что было бы прилично означивать это мѣсто основаніемъ обители.

Изъ Волочка паломницы проѣхали въ лавру, къ преподобному Сергію, и въ окрестностяхъ лавры, въ пещерахъ при Геосиманскомъ скитѣ, мать Досиева повѣдала одному старцу свои мысли о томъ, что слѣдовало бы учредить обитель на мѣстѣ явленія Казанской Вышневолоцкой иконы.

Старець отправилъ ихъ къ митрополиту Филарету, который принялъ ихъ на другой же день, и на вопросъ ихъ, благословить ли онъ ихъ намѣреніе, подумавъ, отвѣчалъ:

— Доброе дѣло; да будетъ съ вами благословеніе Божіе.

Изъ лавры мать Досиѣея со спутницами поѣхала къ отцу Петру въ Угличъ, рассказала отцу Петру всѣ подробности своего путешествія, и одна изъ спутницъ матери Досиѣеи, Марія Ивановна Короткова, стала проситься въ Рыбинскій монастырь:

— Строй домъ съ церковью,—быль отвѣтъ старца.

— Да гдѣ же, батюшка, строить?—спросила она.

— Тамъ, гдѣ были у Казанской, тамъ и живите.

— Да какъ же тамъ можно жить? На чистомъ полѣ, вѣдь, не заживешь.

— Будетъ монастырь, будетъ,—рѣшительно сказалъ старецъ,—найдутся и строители свои.

Чтобы возбудить вѣру женщинъ въ свои слова, старецъ показалъ имъ небесное знаменіе. Онъ далъ имъ желѣзный костыль и велѣлъ опустить его въ Волгу и потомъ вынуть. Множество маленькихъ рыбъ приплывали со всѣхъ сторонъ къ этому желѣзному костылю и какъ будто клевали его.

Слова старца должны были произвести на мать Досиѣею особо сильное впечатлѣніе, такъ какъ это свиданіе съ нимъ было послѣднимъ.

Въ началѣ сентября отецъ Петръ скончался.

Въ 1867 году пещерный старецъ, которому годъ тому назадъ мать Досиѣея повѣрила свою мечту о постройкѣ Казанской обители, теперь черезъ ея подругу, бывшую на богомольѣ у преподобнаго Сергія и въ пещерахъ, передалъ ей послушаніе пріобрѣсти землю, для будущаго женскаго монастыря, у Вышняго Волочка.

Такъ какъ матери Досиѣеѣ было назначено ѣхать по сбору на обитель въ Петроградъ, она считала это порученіе неисполнимымъ. Но къ ея изумленію игуменія согласилась возложить это порученіе на другую, а пещерный старецъ требовалъ, чтобы она сама купила землю, и при этомъ—назвалъ ее игуменіею Казанскаго монастыря.

Мать Досиѣея поѣхала въ Петроградъ и просила своего брата, торговца, съѣздить въ Волочекъ для покупки земли при часовнѣ явленія иконы.

Онъ вернулся съ извѣстіемъ, что за небольшой клочекъ земли просятъ не менѣе тысячи рублей.

Мать Досиѣея просила тогда тверскаго набожнаго помѣщика, князя Путятина, позволить пріобрѣсти ей землю на его имя. Князь согласился. Тогда потребовалось достать тысячу рублей и, словно озаряемая какимъ-то внушеніемъ свыше, мать Досиѣея рѣшила просить эти деньги у одной своей знакомой, которая съ охотой ихъ дала. Такимъ образомъ, состоялось пріобрѣтеніе первоначальной пяди земли подъ будущій монастырь

на имя князя Путятина, и мать Досиея вернулась въ Рыбинскъ, надѣясь отдохнуть отъ всѣхъ волненій.

Между тѣмъ, двѣ ея спутницы постоянно звали ее ѣхать къ себѣ. Въ условіяхъ покупки этой земли, которая раньше принадлежала городу, было сказано, что, если въ теченіе двухъ лѣтъ на ней не будетъ возведено построекъ, то земля отойдетъ городу. Наконецъ, эти двѣ личности сами пріѣхали просить рыбинскую игуменію, чтобы она отпустила мать Досиею.

Игуменія раздражилась и рѣзко объявила:

— Куда тебѣ, слабенькой, ѣхать безъ капитала!

Она почти выгнала изъ монастыря ея подругъ. Въ 1868 году, при новой игуменіи, мать Досиея была пострижена въ мантію. Послѣ пострига она рѣшила оставаться въ Рыбинскомъ монастырѣ, но смертельно заболѣла, и тогда дала обѣтъ Царицѣ Небесной: «Владычица, я страшусь ѣхать на пустое мѣсто. Боюсь умереть, потому что не готова. Если Ты оставишь мнѣ время для покаянія, то я приму это знаменіе, какъ Твою волю, что я должна ѣхать на новое мѣсто».

Послѣ этой молитвы она, не спавшая одиннадцать ночей подрядъ, заснула крѣпкимъ сномъ.

Ей снилось, что въ облакахъ несется Владычица міра на престолѣ, какъ изображается на Печерской иконѣ, и остановилась противъ окна кельи, выходившей въ лѣсъ.

Мать Досиея припала къ Ней, прося помилованія и, проснувшись, она почувствовала значительное облегченіе отъ болѣзни. Скоро она выздоровѣла, однако, еще не рѣшалась ѣхать.

Но скоро князь Путятинъ написалъ новой игуменіи письмо, настоятельно прося отпустить мать Досиею.

Тогда игуменія благословила ее образомъ преподобнаго Сергія, и мать Досиея навсегда покинула Рыбинскій Софійскій монастырь.

Когда она, перваго января 1871 года, явилась въ Вышній Волочекъ на купленный участокъ, то увидѣла на немъ обнесенный заборомъ очень небольшой деревянный домъ.

Вотъ, каково было начало обители, устройство которой было на нее возложено старцами.

Надо было прежде всего позаботиться о церкви. Въ Петроградѣ исполнялись уже иконы и иконостасъ, но платить было нечѣмъ. Надо было ѣхать въ Петроградъ собирать по знакомымъ деньги, надо было обнести заборомъ все пріобрѣтенное мѣсто, такъ какъ, прослышавши объ основаніи новой обители, являлось много сестеръ, и онѣ просили неотступно принять ихъ.

Мать Досиея предупреждала ихъ, что лишенія будутъ страшныя, такъ какъ капитала нѣтъ, но онѣ все обѣщали стер-

пѣть. И вскорѣ первоначальное ядро будущей обители достигло тридцати человѣкъ.

По ночамъ, съ одиннадцати часовъ вечера до четырехъ утра, сестры проводили въ молитвенномъ бдѣніи, боясь нападенія разбойниковъ. Чтеніе приходилось совершать при свѣтѣ одной лампы, такъ какъ восковыхъ свѣчей не на что было имъ купить.

Когда сестры просили купить хотя огарочекъ, мать Досиѣея говорила имъ, что у преподобнаго Сергія Радонежскаго въ его первоначальной обители читали при свѣтѣ лучины, тогда какъ у нихъ есть лампадки.

Когда сестры были удручены лишеніями, матушка напоминала имъ, что онѣ шли на страданіе ради душевнаго спасенія.

Однажды, въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, мать Досиѣея въ пять часовъ утра пришла въ часовню явленія чудотворной иконы, зажгла послѣднюю, оставшуюся въ домѣ, трехкопѣечную свѣчку и стала говорить Богоматери, какъ будто стояла передъ родной земной матерью:

— Ты знаешь, Владычица, что у насъ нѣтъ ни муки, ни крупы, ни соли, ни деревяннаго масла, ни копѣйки денегъ; а сестеръ набрано много. Какъ намъ быть? Помоги, Кормилица, изнемогаю. Сомнѣваюсь теперь, угодно ли Тебѣ дѣло, мною начатое такъ. Поняла ли я слова отца Петра? Можетъ, я ошиблась, и по гордости принялась за непосильное дѣло. Вразуми меня, Владычица, укрѣпи мою вѣру! И—если Тебѣ угодно, чтобы тутъ строился монастырь, то внуши пріѣхавшей къ намъ купчихѣ сотворить намъ милостыню. Это будетъ для меня знаменіе, что я дѣйствую по Твоей волѣ.

Купчиха находилась въ этой часовнѣ. Внезапно она подошла къ матери Досиѣеѣ и сунула ей въ руку крупную денежную бумажку.

Это обстоятельство послужило матери Досиѣеѣ знаменіемъ того, что ея дѣло угодно Богоматери. Тутъ же при выходѣ изъ часовни сторожъ подаль ей письмо со вложеніемъ трехъ рублей. Въ письмѣ просили помолиться за нѣкую болящую Евдокію.

Въ благодарность Богу, матушка сейчасъ же собрала сестеръ и стала читать акаѣистъ Богоматери.

На другой день двѣ добрыя старушки принесли по пятнадцати рублей. Одинъ родственникъ матери Досиѣеи привезъ провизіи и далъ деньгами сотню.

Такова была сила искренней молитвы.

Въ январѣ 1872 года было подано прошеніе въ Святѣйшій

Синодъ объ утверженіи Вышневолоцкой Казанской общины, но дѣло въ канцеляріи потонуло въ массѣ другихъ дѣлъ.

Наконецъ, митрополитъ Петербургскій и Новгородскій Исидоръ, близко принявшій къ сердцу судьбу общины, далъ настоятельный приказъ, чтобы дѣло было отыскано и представлено ему.

Наканунъ дня Казанской иконы, митрополитъ срочно подписалъ резолюцію объ утверженіи общины.

Въ этотъ самый день матушка съ сестрами усердно молились Богоматери объ исполненіи ихъ желанія, и вѣсть объ утверженіи общины пришла въ самый день праздника.

Вскорѣ случилось обстоятельство, которое заставило матушку задумать постройку каменной церкви. Именно, владыкъ Тверскому Филовею при встрѣчѣ съ мат. Досиеею показалось, будто мать Досиея просила у него разрѣшенія на каменную церковь. Разгорѣвшись вдругъ вѣрою, мать Досиея сказала:

— Благословите, владыка, Царица небесная укажетъ намъ благодѣтелей.

Въ Москвѣ она набрала около тысячи рублей и передъ отъѣздомъ пошла въ Кремль поклониться святынямъ. Долгій путь такъ утомилъ ее, что она еле шла, на извозчика не было денегъ, и по дорогѣ она рѣшилась зайти къ одной неизвѣстной ей богатой купчихѣ, которая слыла жертвователницей на храмы.

Купчиха посмотрѣла, какъ она плохо одѣта, и поразилась, проговоривъ:

— Вотъ, какія начальницы въ провинціи!

Когда же она узнала, что въ обители девяносто сестеръ и лишь одна домовая, деревянная церковь, она словно подъ камнемъ-то наитіемъ произнесла:

— Какой это монастырь, если нѣтъ отдѣльной церкви! Вотъ, вамъ десять тысячъ. Начинайте каменный храмъ.

Тутъ же матушка въ слезахъ стала на молитву передъ иконою Царицы небесной «Достойно». А купчиха проводила ее словами, что хотя этихъ денегъ и мало на каменную церковь, но она совѣтуетъ съ вѣрою приступить къ дѣлу.

Расходы на церковь были большіе: по топкиности мѣста потребовалось забить три тысячи свай по пяти съ полтиною всякая. Рабочихъ для этого дѣла было до ста пятидесяти человекъ, которымъ уплачивалось въ недѣлю до шестисотъ рублей. Лѣсъ взяли въ долгъ. Когда забили уже половину свай, явился подрядчикъ и объявилъ, что если не будетъ произведена оплата за сдѣланныя работы, то работа должна быть приостановлена.

Тогда снова матушка обратилась къ своей единственной помощницѣ—Владычицѣ—и гостившая въ это время въ обители

купчиха Попова заявила желаніе пожертвовать пять тысячъ. Работы по укладкѣ бута, стоившія до двадцати четырехъ тысячъ, были закончены уже черезъ годъ послѣ закладки.

Когда же потребовался кирпичъ и цоколь для церкви, опять не на что было купить, и тутъ снова явились два неожиданныхъ благодѣтеля: Сивохинъ изъ Петербурга и Германовъ изъ Москвы, изъ которыхъ одинъ пожертвовалъ до двухъ тысячъ рублей деньгами, нужное количество цемента и полмилліона кирпича, также и желѣза. При дальнѣйшихъ жертвахъ, работа шла, не переставая, и седьмого іюля 1880 года на новый соборъ, законченный вчернѣ, были водружены всѣ девятнадцать крестовъ.

Что переживала храмоздательница, строившая въ молитвенныхъ вопляхъ и слезахъ, когда засіялъ на высотѣ тридцати сажень большой двадцатипудовый крестъ!

Богъ привелъ также въ обитель брата матушки, петербургскаго семидесятилѣтняго купца Никифора Васильевича Салтыкова, который, желая кончить жизнь въ обители, былъ привезенъ въ нее всего за шесть недѣль до смерти и оставилъ себѣ на монастырь двѣнадцать тысячъ.

На шестой день послѣ его смерти мать Досиѣя, садясь отъ его могилы въ сани, разбила себѣ колѣно, оттого что лошадь неожиданно дернула. Начались страшныя боли, въ которыхъ доктора не могли помочь ей.

Когда она окончательно занемогла ночью, она услышала голосъ у своего изголовья: «вставай».

Такъ какъ дверь была заперта, она рѣзко отвѣтила:

— Кто тутъ? Не боитесь вы Бога! Сами знаете, въ какомъ я положеніи.

На эти слова отвѣта не было, а черезъ нѣсколько времени снова раздалось слово: «вставай».

Когда она, лежавшая лицомъ къ стѣнѣ, обернулась, то увидѣла, что у ея кровати стоитъ женщина съ покрываломъ на головѣ, и она стала просить женщину открыть свое имя.

Вдругъ она видитъ передъ собою на дверяхъ Казанскую икону въ невыразимомъ сіяніи, явившаяся ей Жена, поднимая свое покрывало до половины, указала на икону со словами:

— Вотъ, кто Я! Смотри на икону.

— Который часъ?—спросила матушка.

— Два часа,—отвѣтила Жена.

Тутъ матушка забылась, но вскорѣ опомнилась и въ первую минуту, забывъ о видѣніи, пожалѣла, что не можетъ подняться, такъ какъ должна была по утру приобщиться.

Понемногу она стала припоминать только что бывшее ей видѣніе, перекрестилась, попробовала двинуть больной ногой и

не ощутила никакой боли. Тогда она встала, ступила на ушибленную ногу и безъ палочки пошла въ моленную. Тутъ вспомнила всѣ подробности своего видѣнія. Болѣе часу медленно читала она въ слезахъ акаѳистъ Богоматери, потомъ созвала сестеръ и подѣлилась съ ними радостью чуднаго посѣщенія и исцѣленія своего.

Это было восьмого марта 1880 года.

Въ концѣ 1881 года послѣдовалъ приказъ Святѣйшаго Синода о преобразованіи общины въ монастырь.

Перваго января 1882 года въ Твери мать Досиѳея была торжественно возведена въ кафедральномъ соборѣ преосвященнымъ Саввою, архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ, въ званіе игуменіи.

Рѣчь, которую произнесъ преосвященный Савва, вручая матери Досиѳеѣ игуменскій посохъ, прекрасно изобразила всѣ перенесенные матерью Досиѳеєю великіе труды ея по устройству обители.

«Преподобная мать игуменія Досиѳея. Дивныя судьбы промысленія Божія видятся надъ юною обителью, вѣренною твоему начальственному управленію. Едва совершилось одно десятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ среди пустыннаго, необитаемаго поля, не безъ борьбы и скорбей, зачалась подъ сѣнію благоговѣнно чтимой святыни малая обитель для ищущихъ уединеннаго житія и молитвенныхъ подвиговъ. И что же видимъ нынѣ? Тамъ, гдѣ была вначалѣ одна малая деревянная молитвенная храмина для небольшого числа молящихся,—видимъ другой обширный, благолѣпный храмъ,—такой храмъ, какихъ немного можно видѣть и среди знатныхъ, многочисленныхъ городовъ. Тамъ, гдѣ было нѣсколько лишь небольшихъ и самыхъ скромныхъ жилищъ, для малаго числа сестеръ, — тамъ нынѣ воздвигнуты новыя, обширныя, пространныя строенія, не только для обитанія здоровыхъ и врачеванія немощныхъ, но и для производства разныхъ хозяйственныхъ и даже художественныхъ занятій.

«Не исполнилось еще десятилѣтія, какъ тебѣ ввѣрена ново-созданная обитель, въ которой на первый разъ водворилось съ тобою менѣе тридцати душъ, а что видимъ нынѣ?—Нынѣ, подъ твоимъ добрымъ, назидательнымъ руководствомъ, подвизаются о спасеніи душевномъ уже болѣе трехсотъ сестеръ.

«Не должно ли все сіе возбуждать въ насъ чувство благоговѣйнаго удивленія предъ чудными судьбами Божиими о вѣренной тебѣ обители? Поистинѣ, обитель сія можетъ быть упо-

доблена оному приточному «горушному зерну», которое хотя менѣ всѣхъ сѣмянъ, но когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его. Но по мѣрѣ распространения обители и по мѣрѣ умноженія числа обитательницъ въ ней, естественно, должны были болѣе и болѣе возрастать и умножаться для тебя, какъ начальницы, труды и заботы. Между тѣмъ, мы видимъ, что ты, несмотря на свою немощь тѣлесную и преклонность уже лѣтъ, не ослабѣваешь въ своей душевной ревности о большемъ и большемъ благоустроении ввѣренной тебѣ обители и о вѣщемъ преуспѣяніи твоихъ сестеръ въ добромъ христіанскомъ житіи.

«Воистину, въ твоей немощи сила Божія совершается! Господь Іисусъ Христосъ и Его Пречистая Матерь, имени Коей посвящена управляемая тобою обитель, да даруетъ тебѣ крѣпость тѣлесную и бодрость душевную къ совершенію дальнѣйшихъ подвиговъ на пользу обители, и вручаемый тебѣ сей жезлъ да будетъ не только знаменемъ твоей власти надъ преобразованною, по благословенію высшаго священноначалія, обителью, но и залогомъ новой благодатной силы, которую Господь,—по Своей безконечной благодати,—уповаемъ, будетъ ниспосылать на тебя отъ Своего горняго Сіона».

По возвращеніи въ обитель мать Досіея трудилась надъ внутренней отдѣлкой большого собора, который былъ торжественно освященъ архіепископомъ Саввою восьмого августа.

Въ ту самую зиму скончался тверской помѣщикъ, князь Пуятинъ, съ самаго начала поддерживавшій мать Досіею. Передъ кончиной своею, которая произошла въ обители, онъ спрашивалъ игуменію:

— О тебѣ, матушка, думаю: какъ ты жить будешь, или безъ тебя какъ жить будутъ, чѣмъ будутъ содержаться? Въдъ на содержаніе сестеръ въ теченіе года требуется тридцать тысячъ: если ты умрешь, гдѣ возьмутъ-то?

— Царица Небесная не оставитъ: на Нее вся надежда. Если Владычица устроила монастырь на томъ пустомъ мѣстѣ, то неужели Она оставитъ ихъ потомъ Своею милостью!

Приближаясь сама къ послѣднимъ годамъ, мать Досіея хоронила постепенно благодѣтелей обители. Первымъ схоронила она Германова. Для него монастырь былъ роднымъ по той заботѣ, которую онъ къ обители прилагалъ. Онъ привозилъ сюда всего, что нужно сестрамъ на трапезу: къ праздникамъ Казанской иконы—восьмого іюля и двадцать второго октября, и все просилъ, чтобы по смерти сестры не забывали его своими усердными молитвами.

Черезъ два года послѣ него скончался и другой великій благодѣтель монастыря—Сивохинъ. Онъ скончался тихо, приготовившись къ смерти, глядя на поставленную передъ нимъ икону Казанской Божіей Матери, обители Которой онъ такъ усердно служилъ.

Онъ и схороненъ въ монастырѣ. Послѣдними его дарами обители была прекрасная каменная, вышиною въ тридцать пять сажень, колокольня съ теплымъ храмомъ въ ней во имя преподобнаго Ефрема и мученицы Неониллы—имена Сивохина и его жены, двухъ-этажный корпусъ для монастырской больницы и чудный, безцѣнный даръ древней, чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой «Андрониковой».

Исторія поступленія въ обитель этой святыни такова.

Какъ-то въ 1885 году, при посѣщеніи въ Петербургъ Сивохина монастырской казначеѣй Макаріей, Сивохинъ ей, между прочимъ, сказалъ:

— Хорошо бы вамъ въ обитель древнюю икону Царицы Небесной. Она писана евангелистомъ Лукою и стоитъ у Федорова. Я ее выкуплю; риза-то съ нея заложена.

Въ тотъ же день Макарія съ женой Сивохина поѣхали на Васильевскій островъ къ владѣльцу иконы, небогатуому чиновнику Федорову.

Федоровъ за передачу иконы поставилъ совершенно невозможныя условія. Такъ мать Макарія и уѣхала въ монастырь безъ иконы.

Но вскорѣ Сивохинъ вызвалъ ее въ Петербургъ телеграммой и объявилъ ей, что онъ желаетъ пріобрѣсти икону и поставить ее въ монастырѣ.

Это намѣреніе такъ запало въ сердце Сивохину, что онъ за выкупъ иконы заплатилъ Федорову семнадцать тысячъ и тутъ же передалъ икону матери Макаріи.

Прибытіе иконы въ Вышневолоцкій монастырь было обставлено съ большою торжественностью. Къ этому торжеству собрались, кромѣ архіепископа Тверского Саввы и двухъ архимандритовъ, губернскія и уѣздныя власти, и множество народа. Икону несли со станціи торжественнымъ ходомъ въ кіотѣ на особыхъ носилкахъ.

Сперва она была принесена въ городской соборъ, а затѣмъ изъ города перенесена въ монастырь.

Въ память этого событія, по ходатайству матери Досіоеи, установленъ ежегодно, въ первый день мая, крестный торжественный ходъ изъ всѣхъ церквей Вышняго-Волочка въ Казанскую обитель.

Отъ юной еще Казанской обители при матери Досіоеѣ вы-

росло нѣсколько развѣтвленій. Такъ, по просьбѣ жителей, при станціи Спирово, Николаевской желѣзной дороги, на землѣ, пожертвованной монастырю княгиней Эристовой, былъ основанъ храмъ съ отдѣленіемъ монастыря, въ которомъ впоследствии стало жить болѣе ста сестеръ.

Затѣмъ возникло отдѣленіе обители въ пяти верстахъ отъ Вышневолоцкаго Казанскаго монастыря и верстахъ въ трехъ отъ города Волочка, на землѣ, пожертвованной купцомъ Пожарскимъ. Такъ, у обители былъ устроенъ скотный дворъ съ хозяйственными постройками и жилымъ помѣщеніемъ, и для хозяйственныхъ работъ проживало зимой до пятидесяти, а лѣтомъ сто пятьдесятъ сестеръ. Близъ обители былъ устроенъ для ихъ духовныхъ нуждъ храмъ Божій и образовался еще новый монастырскій поселокъ.

Въ послѣдніе годы жизни матери Досіеѣ ей удалось выстроить еще теплый соборъ въ честь чудотворной иконы «Андрониковой».

Приближаясь къ концу жизни, мать Досіеѣя всѣми мыслями своими стремилась къ Господу, Которому она съ такою вѣрою и самоотверженіемъ служила всю свою жизнь. Келейныя молитвы занимали все ея дневное время. Двѣ послушницы—чтицы, смѣняя одна другую, вычитывали ежедневно всѣ церковныя службы, каждое правило и многочисленные акаѣсты.

Ночи этого года мать Досіеѣя спала мало. Она молилась въ эти ночные часы о судьбѣ своей обители, о спасеніи живущихъ въ ней сестеръ, о благотворителяхъ монастыря. Она молилась и о тѣхъ больныхъ и нуждавшихся въ молитвенной помощи, которые обращались къ ней за молитвою. Часто бывало, что Господь этимъ людямъ посылалъ исцѣленіе и облегченіе въ ихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Передъ смертною болѣзнію своею мать Досіеѣя заболѣла въ концѣ Великаго поста 1906 года. Эта болѣзнь была старческое воспаленіе обоихъ легкихъ.

Объ обители она говорила:

— Я оставляю Владычицѣ обитель, и Ей вручаю всѣхъ васъ. Она Сама васъ наставитъ и спасетъ, а я дольше жить уже не могу.

Въ послѣдній разъ она пріобщалась въ Великій Четвергъ, наканунѣ смерти, и въ этотъ же день была соборована. Она простилась со всѣми монахинями и съ двумя жертвователями, которые съ семействами своими пріѣхали въ обитель поговѣть и встрѣтить свѣтлый праздникъ. Она просила благодѣтелей не оставлять послѣ нея ея обитель.

Вечеромъ, наканунѣ ея смерти, всѣ сестры обители по оче-

реди были допускаемы къ смертному ложу отходящей и, поклонившись ей въ ноги, получали отъ нея благословеніе, икону или крестикъ.

Всю послѣднюю ночь ея жизни сестры непрерывно читали въ смертномъ покоѣ акаѳисты, и, слушая любимыя слова, игуменія временами осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ.

Въ пятомъ часу утра игуменія тихимъ, но внятнымъ голосомъ произнесла знаменательныя слова апостола Павла:

«Аще бо живемъ,—Господеви живемъ; аще же умираемъ,—Господеви умираемъ!»

Это были послѣднія слова, произнесенныя ею на землѣ. Ее безпрестанно осѣняли крестомъ, а передъ самымъ концомъ ея тогдашняя казначея, теперешняя игуменія Досиѳея, поднесла къ ней икону Успенія Богоматери съ произнесеніемъ словъ:

«Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси, во успеніи міра не оставила еси, Богородице».

Умирающая пристально смотрѣла на икону смертнаго часа Пресвятой Владычицы, и губы ея шептали молитву.

Вдругъ ея взоръ поднялся къ небу и въ немъ заблестала радость. Лицо ея озарилось улыбкой и, поднявъ руки, она протянула ихъ кверху, какъ бы въ духовномъ восторгѣ передъ какимъ-то чуднымъ видѣніемъ, и въ этомъ восторгѣ, переполнившемъ все ея существо, душа ея безболѣзненно отдѣлилась отъ тѣла...

Отпѣваніе произошло на второй день Пасхи.

Основательница Вышневолоцкаго женскаго монастыря, многотрудная игуменія Досиѳея, положена въ пещерѣ подъ теплымъ соборомъ рядомъ съ ея сотрудницами, умершими раньше ея, схимонахиней Пелагіей и казначеей Макаріей.

Подвижницы Вышневолоцкаго монастыря, схимонахиня Пелагія и схимонахиня Марія.

Схимонахиня Пелагія принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которымъ пришлось перенести всѣ тягостныя испытанія, все горчайшее униженіе, какое иногда испытывала при господствѣ крѣпостного права человѣческая личность, и особенно личность беззащитной дѣвушки.

Но, сильная духомъ, эта крѣпостная безвольная раба не озлобилась и не отчаялась и вступила на путь великаго духовнаго подвига, приведшаго ее къ работѣ въ Богѣ и къ той праведности заблеставшей, которой она служила широко людямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнила, дѣвушка распалась духовнымъ желаніемъ служить Христу-Богу. Но она была крѣпостная, а въ то время господа, желавшіе размноженія своихъ крѣпостныхъ, не любили, чтобы подвластныя имъ дѣвушки не выходили замужъ. Желали выдать замужъ и ее—будущую схимницу. Такъ какъ она отказывалась отъ брака, ее шесть разъ подвергали тяжелому истязанію, и въ послѣдній разъ засѣкли почти на смерть.

Тогда же разгнѣванный ея упорствомъ помѣщикъ велѣлъ сослать ее пасти свиней и гусей, причемъ запретилъ давать ей даже хлѣба.

Живеть бѣдная дѣвушка съ порученными ей птицами, радуется, что никто ее больше не истязуетъ, сидитъ на берегу пруда, въ которомъ плаваютъ утки и гуси и смотритъ въ ясное небо и говорить:

— Господи, Ты все видишь. Радуюсь, что видимы Тебѣ и страданія мои.

И въ этой ссылкѣ между своими гусями и утками она довольна была своей судьбой.

Такъ какъ хлѣба ей не давали, то ей приходилось изловчаться, чтобы питать себя. Она, бывало, намѣшаетъ въ корыто, изъ котораго кормила гусей и утокъ, муки съ высѣвками и ѣстъ одновременно съ птицами, ласково приговаривая:

— Простите меня, ради Бога, пташечки, что я васъ объѣдаю.

Когда ключница узнала о томъ, какъ кормится дѣвушка, она сжалилась надъ ней, и стала давать ей хлѣбъ. И была дѣвушка своей судьбой совсѣмъ довольна.

Между тѣмъ, дочь ея помѣщика, барышня, рѣшила поступить въ Тихвинскій монастырь и взяла дѣвушку со скотнаго съ собой въ обитель. Тамъ она съ усердіемъ послужила своей барышнѣ. Барышня жила недолго, умерла, и ея раба была отпущена на волю.

Вернувшись къ родителямъ, она ушла жить въ лѣсъ, такъ какъ хотѣлось ей, не видя лица человѣческаго, служить Богу въ неразвлекаемой духовной жизни.

Изъ всего имущества былъ при ней только одинъ топорикъ. Далеко углубясь въ лѣсъ, она остановилась, наконецъ, у большой ели и стала жить тутъ, какъ бы въ раю, питаясь сырыми грибами и ягодами и всей душой уходя въ молитву.

Когда пришла осень, она стала изнемогать и просила Владычицу міра указать ей—угодно ли Владычицѣ, чтобы она оставалась въ лѣсу, или чтобы шла въ міръ. И получила она знаменіе идти къ людямъ.

Изъ глубины этого лѣса, изъ котораго она не могла найти себѣ дороги, она была выведена также нѣкоторымъ чуднымъ знаменіемъ.

Нѣсколько лѣтъ посвятила она странствованію по святымъ мѣстамъ, побывала и у соловецкихъ угодниковъ и въ далекомъ Кіевѣ.

Въ теченіе семнадцати лѣтъ странница служила благочестивой дѣвицѣ хорошаго рода, Маринушкѣ, которая приняла постригъ съ именемъ монахини Филареты. По ночамъ она ходила съ топорикомъ—гдѣ увидитъ, что у крестьянъ упала изгородь—поправитъ. Если узнавала днемъ, что бѣдныя семейства ушли на работу на барщину, то обмоетъ и обошьетъ дѣтей и все въ домѣ приберетъ.

Подаяній никакихъ не принимала, а всѣмъ старалась своимъ трудомъ услужить. Во время ея мірской жизни къ ней шло много народа за совѣтомъ и утѣшеніемъ. Затѣмъ она получила отъ Божіей Матери внушеніе, чтобы шла въ монастырь.

Когда Казанская община была утверждена, странница явилась къ матери Досиѣеѣ со словами:

— Вотъ, теперь Матерь Божія благословила сюда жить. У меня нѣтъ ничего, одинъ только топорикъ.

Мать Досиѣея была довольна ея появленіемъ. Такъ какъ по вѣрѣ подвижницы исцѣлялись больные, она поила ихъ святою водою—народу ходило къ ней много съ утра до вечера. Такъ что келья ея была обыкновенно полна, и посѣтители получали отъ нея большое духовное утѣшеніе.

Какъ-то привезли въ монастырь больную дѣвицу со связанными полотенцами ногами и положили ее въ церковь. Мать Пелагія велѣла развязать ее, хотя родственники говорили, что она дерется и всѣхъ прибить.

— Такъ и скота не связываютъ,—отвѣчала подвижница.

Когда больную по ея приказанію развязали, она только топала ногами. Мать Пелагія дала ей богоявленской воды, вспрыснула ее, прикрыла пеленой иконы Казанской Божіей Матери. Во время «Херувимской» больная немного покричала. Мать Пелагія перекрестила ее, она заснула, и на другой день встала тише, и такъ день ото дня все лучше. Ее благословили поговѣть и приобщиться, и она пошла домой совсѣмъ здоровою.

Поступила она въ обитель въ октябрѣ 1872 года и прожила двѣнадцать лѣтъ. Въ первое время жизни въ обители она сдѣлалась тяжело больна, и Маринушка, которой она служила вмѣстѣ съ восьмилѣтней ея крестницей Дунюшкой, теперешней игуменіей Досиѣеей, сильно плакала. Но она сказала имъ:

— Не плачь, не умру, а поживу здѣсь двѣнадцать годовъ.

Передъ смертною болѣзною своею она не давала себѣ покоя, и, когда ей совѣтовали отдохнуть, отвѣчала:

— Сонъ моея лѣности ходатайствуетъ душѣ моея муку.

Во время болѣзни ее возили на салазкахъ въ церковь весь великій постъ. Когда же и быть передвигаемой ей казалось не подъ силу, она часто пріобщалась у себя въ кельѣ. Пищи во время болѣзни никакой не принимала, кромѣ двухъ ложечекъ воды въ день; и раньше она держала весьма строгій постъ; съ принятіемъ же схимы не принимала ни молочнаго, ни маслянаго, и ѣла одну только крупяночку безъ постнаго масла. Всѣ ночи она проводила безъ сна, въ непрестанной молитвѣ, и любила говорить къ приходившимъ къ ней сестрамъ:

— Кайся повсечасно, молись непрестанно, люби всякаго человѣка и согрѣшить будетъ некогда.

А передъ концомъ дала игуменіи совѣтъ:

— Построже веди дѣтей, построже... Богъ поможетъ, молись, спасайтесь, молитесь Богу усердно.

Она скончалась двадцать девятого мая 1884 года.

Вышневолоцкая купчиха Акулина Егоровна Гагарина была первой благодѣтельницей обители, такъ какъ оказала матери Досіеѣвѣ гостепрѣимство, когда она съ первыми насельницами, никому еще неизвѣстная, явилась на пустое мѣсто съ пустымъ домомъ.

Она вѣрила, что Богоматерь благословитъ эту мѣстность и служила будущей обители, чѣмъ могла. Вдова, она имѣла единственнаго сына, который пошелъ въ доктора и умеръ гдѣ-то за границей.

Потерявъ сына, она переѣхала въ обитель, и первая изъ сестеръ была пострижена въ мантію, съ именемъ Маріи.

Поставивъ ее на путь скорбей, Господь держалъ ее на этомъ пути до конца. Въ теченіе девяти лѣтъ она была въ параличѣ. Сидя на своей кроваткѣ, она погружалась въ чтеніе духовныхъ книгъ. Когда слышала о какомъ-нибудь болящемъ или страждущемъ человѣкѣ, плакала о немъ горькими слезами, хотя бы никогда его раньше не видала, и усердно молилась объ облегченіи его скорби.

Господь послалъ ей тихую кончину. Когда священникъ читалъ отходную молитву, она воскликнула, словно воочію увидавъ Пречистую Дѣву:

— Матерь Божія, Матерь Божія!—и, уже ничего болѣе не говоря, она тихо предала свой страждущій и правый духъ въ руки Божіи.

СХИМОНАХЪ ВАССИАНЪ

(подвижникъ Алатырскаго Свято-Троицкаго монастыря).

В городѣ Алатырѣ, Симбирской губерніи, есть Свято-Троицкій мужской монастырь, начало котораго преданіе относитъ ко второй половинѣ шестнадцатаго вѣка, къ царствованію Іоанна Васильевича Грознаго. Въ 1615 году онъ былъ приписанъ къ Троице-Сергіеву монастырю, что нынѣ лавра.

Монастырь, нынѣ трехклассный, расположенъ въ сѣверной части города Алатыря, по отлогому берегу рѣки Алатыря, недалеко отъ впаденія этой рѣки въ рѣку Суру.

Святыню его представляетъ чудотворный образъ Спаса Нерукотвореннаго, издревле находившійся на деревянной башнѣ, устроенной надъ крѣпостными воротами. Когда въ 1754 году сильный пожаръ истребилъ южную часть города и стѣны съ башнями, то черезъ нѣсколько лѣтъ на мѣстѣ пожараща, подъ пепломъ и мусоромъ, былъ найденъ образъ Нерукотвореннаго Спаса въ полной сохранности.

Образъ этотъ прославленъ многими чудесами. Такъ, во время холерной эпидеміи цѣлыя семьи почти мгновенно получали выздоровленіе, прибѣгая къ благодати иконы.

Алатырь со своимъ монастыремъ дорогъ почитателямъ русскаго благочестія по памяти великаго подвижника, въ немъ покоющагося.

Подъ придѣломъ, въ честь Казанской иконы Богоматери, въ Алатырскомъ-Троицкомъ монастырѣ устроено подвальное помѣщеніе—склепъ. Въ немъ, на каменномъ возвышеніи, стоитъ деревянная гробница, покрытая парчей.

Въ этой гробницѣ покоится нетлѣнное тѣло схимонаха Вассіана. Объ обрѣтеніи мощей этого безвѣстнаго подвижника извѣстно слѣдующее:

Двадцать шестого августа 1748 года, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, въ монастырѣ производились работы по очищенію мѣста подъ нижній Троицкій соборъ. Во время этихъ работъ былъ обрѣтенъ гробъ съ мощами схимонаха Вассіана. Цѣлую недѣлю вынутыя изъ земли мощи стояли открытыми. Затѣмъ были перенесены въ бывшую въ то время въ монастырѣ теплую церковь преподобныхъ Зосимы и Савватія и тутъ оставались совершенно открытыми всю зиму. И, когда стали свидѣтельствовать тѣло подвижника, то какъ самое тѣло, такъ и одежды на немъ и гробъ оказались совершенно неповрежденными.

Вслѣдствіе уничтоженія пожаромъ монастырскаго архива нѣтъ никакой возможности установить время жизни схимонаха Вассіана. Въ спискахъ настоятелей и строителей Троицкаго монастыря значится: настоятель Вассіанъ съ 1697 по 1698 года. Но былъ ли подвижникъ, котораго мощи сохранились нетлѣнными, упоминаемый этими словами строитель или былъ онъ простымъ рядовымъ монахомъ—неизвѣстно. Извѣстно только, что въ монастырѣ былъ схимонахъ Вассіанъ, который за подвижническую свою жизнь пользуется великимъ почитаніемъ всѣхъ горожанъ.

Когда его нетлѣнное тѣло свидѣтельствовали, то были еще лица, помнившія его живымъ. Они-то и установили, что обрѣтенныя мощи принадлежатъ схимонаху Вассіану.

Сохранность тѣла и одежды на подвижникѣ были такъ велики, что ясно сохранились вышитыя на схимѣ слова Священнаго Писанія. Народъ съ усердіемъ стекался къ гробницѣ подвижника, постоянно совершалось надъ нею много панихидъ. Больные отламывали отъ гроба щепочки и многіе получали исцѣленіе болѣзней. Къ сожалѣнію, эти исцѣленія никогда не записывались.

Наконецъ, было предписано отъ Святѣйшаго Синода епископу нижегородскому и алатырскому Веніамину, въ епархіи котораго тогда находился Алатырь, предать нетлѣнное тѣло схимонаха Вассіана землѣ.

Очень жаль, что современники не записывали исцѣлений, получавшихся у могилы подвижника, и при вторичномъ свидѣтельствѣ мощей они не могли быть подтверждены. Но усердіе народное къ памяти схимонаха Вассіана не ослабѣло.

Оно и по сю пору собираетъ много народа, и у скромнаго надгробія подвижника часто совершаются панихиды усердствующими къ его памяти.

Общія монастырскія панихиды съ торжественною всенощною накануне совершаются двадцать шестого августа, въ день сбрѣтенія мощей схимонаха Вассіана, и десятаго октября, въ день ангела подвижника.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на могилѣ схимонаха Вассіана совершилось знаменіе, которое стало привлекать къ его могилѣ еще большее количество богомольцевъ.

Чудодѣйственная сила мощей схимонаха Вассіана давно была извѣстна алатырцамъ, но чтимъ онъ былъ какъ-то плохо, мало замѣтно въ предѣлахъ Алатыря. А это новое событіе заставило о немъ говорить широкіе круги вѣрующаго общества.

Четвертаго іюля 1906 года Алатырь былъ подоженъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Въ этомъ страшномъ пожарѣ погорѣлъ весь до остатка монастырь. Жаръ былъ такъ великъ, что плавилась отъ огня желѣзные скрѣпы храма.

Когда, на слѣдующій день послѣ пожара, могли войти въ Троицкій монастырь, то убѣдились, что огонь, который разрушилъ рѣшительно все въ монастырѣ, не смѣлъ коснуться только лишь одной гробницы подвижника, остановленный невидимою силою.

Даже ветхая пелена, покрывавшая гробницу, не истлѣла: точно въ этомъ страшномъ раздолѣ огня какимъ-то непроницаемымъ для него футляромъ накрыли надгробіе тихаго подвижника Вассіана.

Вѣсть объ этомъ необыкновенномъ обстоятельствѣ быстро облетѣла городъ, и со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться народъ, чтобы на развалинахъ и пожарищѣ монастыря своими глазами убѣдиться въ неприкосновенности гробницы алатырскаго подвижника. Стали, вмѣстѣ съ тѣмъ, истекать отъ этой гробницы новыя исцѣленія.

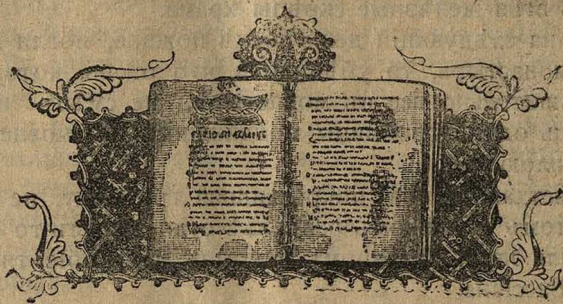
И монастырю, и городу желательно, конечно, чтобы несомнѣнно чудотворящій схимонахъ Вассіанъ былъ вчиненъ въ ликъ святыхъ и чтобы мощи его, уже двукратно свидѣтельствоваанныя и бывшія на поверхности земли, были изъяты изъ-подъ спуда для общаго народнаго поклоненія. Но пока дѣло еще не начато, такъ какъ нѣтъ никакихъ документовъ относительно жизни преподобнаго.

Край, когда-то бывшій окраиннымъ, терпѣлъ слишкомъ много для того, чтобы могли, какъ въ другихъ, болѣе счастливыхъ мѣстахъ, уцѣлѣть столь легко разрушающіеся памятники, какъ какая-нибудь письменная записъ о житіи и подвигахъ схимонаха Вассіана.

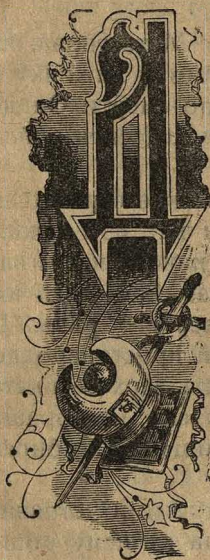
Между тѣмъ, тотъ вѣрный показатель, какимъ является многовѣковое усердіе къ могилѣ подвижника, чудесное уцѣлѣніе гробницы его въ пожарѣ и продолжающія истекать отъ

этой гробницы исцѣленія — достаточно свидѣлствуютъ о томъ, что жизнь схимонаха Вассіана была высока и что ею онъ угодилъ Богу.

И, при возрастающемъ невѣріи,—какъ не обратить вниманіе на бѣдную пещеру—склепъ, откуда льется на вѣрующихъ исцѣляющая благодать угодившаго Богу безвѣстнаго старца, въ которомъ одно вѣдомо и ясно—его святая жизнь, его чудодѣйствующая, загробная сила.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧЪ ОГОРОДНИКОВЪ, СИМБИРСКІЙ БЛАЖЕННЫЙ.

ОЛГОВРЕМЕННАЯ память, которую оставляютъ по себѣ въ населеніи, среди котораго они жили и дѣйствовали, тѣ или другіе подвижники, показываетъ то глубокое впечатлѣніе, которое произвела на это населеніе ихъ жизнь.

Часто, въ дни земного вѣка своего, эти люди подвергались насмѣшкамъ, осужденіямъ, пересудамъ, гоненіямъ. Но справедливая рука времени снимаетъ съ ихъ памяти всѣ тѣ несправедливые укоры, которые при жизни низводили на нихъ не поминавшіе ихъ люди, не умѣвшіе возвыситься до нихъ и проникнуть въ тайну ихъ высокой жизни.

И, освобожденные отъ всего пререкаемаго, что было возведено на нихъ изъ-за немощи людской, изъ-за ошибочности мірскихъ взглядовъ — эти люди стоятъ передъ потомками въ лучахъ своего тяжкаго, святаго подвига, во имя Христа подъятаго... Такъ, все свѣтлѣетъ и нравственный обликъ замѣчательнаго подвижника города Симбирска, юродиваго Андрея Ильича Огородникова.

Три четверти вѣка отдѣляетъ насъ отъ его кончины, а память о немъ неизмѣнно сохраняется среди населенія Симбирска. Жители Симбирска постоянно поминаютъ его на проskomидіи, у могилы его ежедневно бываютъ посѣтители, не только изъ числа горожанъ, но и изъ числа населенія ближайшихъ къ Симбирску мѣстностей. Въ рѣдкомъ заупокойномъ помянникѣ вы не встрѣтите имя Андрея Ильича.

Андрей Ильичъ Огородниковъ родился въ Симбирскѣ четвертаго іюля 1763 года и при крещеніи названъ Андреемъ въ

честь святителя Андрея, архіепископа Критскаго. Имена родителей его: Илья Ивановичъ и Анна Осиповна. Они были потомственными симбирскими мѣщанами и жили въ подгорной части города Симбирска. Родители Андрея Ильича были люди благочестивые, и особенною набожностью отличалась его мать. Всю молодость свою Андрей Ильичъ провелъ съ родителями въ ихъ домѣ подъ горой, на берегу Волги.

Когда родители умерли, объ Андрѣ сталъ заботиться старшій братъ его Фаддей, умершій въ 1813 году. Тогда Андрей поступилъ на попеченіе своей сестры, вдовы Натальи. Предъ тѣмъ она поступила въ Симбирскій женскій монастырь и нарочно покинула обитель, чтобы служить брату. Это она и исполняла при помощи нѣкоторыхъ благодѣтелей.

Одна изъ симбирскихъ помѣщицъ, Е. А. Мельгунова, выстроила для безпомощнаго Андрея съ его сестрой хижинку на дворѣ у Андреевой племянницы Агафьи, и по смерти Фаддея Ильича ежегодно давала на его нужды по шестьдесятъ рублей ассигнаціями.

Андрей былъ бѣднымъ страдальцемъ отъ своего рожденія. До трехъ лѣтъ онъ не могъ ходить быстро и ѣлъ изъ чужихъ рукъ, потомъ сталъ двигаться, но говорить ничего не умѣлъ, кромѣ словъ: «мама Анна», или просто «Анна». Это было имя его матери. Этими словами и ограничивалась его рѣчь. До семилѣтняго возраста онъ ходилъ въ обычной простонародной одеждѣ, а съ семи лѣтъ онъ пересталъ надѣвать верхнее платье и обувь. Зимой при самыхъ свирѣпыхъ морозахъ, не обращая никогда вниманія на погоду, онъ бѣгалъ по улицамъ Симбирска босой, одѣтый въ длинную рубаху.

Странность такой одежды, на ряду съ другими странностями, въ немъ обнаружившимися, привлекала къ нему общее вниманіе. Одни стали его почитать, другіе осуждать и глумиться надъ нимъ. Этотъ несчастный человѣкъ, который казался глупенькимъ и бессмысленнымъ, который не могъ объясняться на человѣческомъ языкѣ, былъ глубоко сознательный подвижникъ и умомъ своимъ обнималъ всю широту жизни человѣческой.

Онъ не могъ говорить, но на предлагаемые ему вопросы отвѣчалъ совершенно ясными звуками, движеніемъ рукъ или головы, утвердительными или отрицательными. Были даже люди, которые утверждали, что молчаніе онъ возложилъ на себя съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ великій подвигъ. Это предположеніе можетъ быть близко къ истинѣ, такъ какъ Андрей Ильичъ хорошо слышалъ и не былъ лишенъ никакихъ органовъ произношенія. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Андрея Ильича для наблюдательнаго и понятливаго въ духовной жизни человѣка было ясное стремленіе постоянно мучить себя.

Онъ, напримѣръ, часто ползаль по землѣ, цѣлуя ее, то передразнивалъ движеніями своими окружающихъ и иногда мѣшалъ имъ. Было видно, что онъ старается не давать своему тѣлу никогда покоя. Быстро перейдя или перебѣжавъ изъ одной части города въ другую, онъ, бывало, станеть на одномъ мѣстѣ, по цѣлымъ часамъ перекачивается съ ноги на ногу, словно маятникъ, въ одну сторону, и твердить при этомъ: «бумъ, бумъ, бумъ». А взоръ его въ это время на что-нибудь устремленъ неподвижно. Временами онъ скрывался на сутки или болѣе изъ дома въ какое-нибудь тайное мѣсто. Если же его убѣжище, въ концѣ-концовъ, открывали, онъ туда уже болѣе не ходилъ.

Чаще всего ставаль онъ на углу большой Панской улицы, гдѣ прежде были деревянныя постройки съ торговыми помѣщеніями. Только въ гробу увидали Андрея Ильича совершенно спокойнымъ и неподвижнымъ. Спать онъ себѣ позволялъ лишь очень мало и ложился для этого на голыхъ доскахъ или на землѣ. Видали иногда, что онъ самъ ляжетъ на лавку, а голову держать на вѣсу, ни къ чему не прикасаясь, ни на что не опираясь ею.

Ходилъ онъ въ рубахѣ, и рубаху эту шили обыкновенно съ сумкой на груди. Въ эту сумку многіе клали ему милостыню, большею частью насильно, такъ какъ онъ самъ брать ее не хотѣлъ. Эту милостыню онъ или раздавалъ самъ, или кто-нибудь изъ желающихъ подходилъ къ нему и самовольно ее отъ него бралъ. Наблюдали, что иногда онъ выбрасывалъ насильно положенную ему милостыню, причемъ было знаменательно то, что въ числѣ другихъ всыпанныхъ ему въ эту сумку монетъ онъ сразу находилъ монету того лица, милость отъ котораго брать не желалъ. Отъ однихъ онъ принималъ подаяніе самое ничтожное и, въ то же время, откидывалъ прочь цѣнное подаяніе другихъ. Онъ не употреблялъ ни вина, ни масла, а любилъ чай съ намазаннымъ медомъ чернымъ хлѣбомъ. Любилъ онъ также и сухія ягоды, и онѣ разваривались для него въ особомъ горшечкѣ. Возвращаясь домой, онъ, бывало, начинаетъ стучать по столу, приговаривая: «мама». Это значило, что онъ просить сестру или племянницу покормить его. При его чрезвычайномъ воздержаніи его тѣло было необычайно легко и сухо.

Андрей Ильичъ никогда не смѣялся. Нрава онъ былъ кротчайшаго. Его незлобіе было поразительно. Люди грубые, дерзкіе по характеру позволяли себѣ смѣяться надъ нимъ, бить его, всячески унижать его. Иногда онъ приходилъ домой избитый, выпачканный въ мукѣ или смолѣ. Злыя не воспитанныя дѣти, встрѣтаясь съ нимъ на улицѣ, щипали ему тѣло или дергали его

за рубаху. Онъ никогда не защищался отъ нихъ, не проявлялъ при этомъ волненія и тихо отходилъ отъ своихъ мучителей. Не разъ, однако, обнаруживалось, что, вступаясь за беззащитнаго юродиваго, Господь Самъ наказывалъ такихъ его оскорбителей.

Когда блаженнаго хоронили, къ его гробу подбѣжалъ на улицѣ одинъ двѣнадцатилѣтн і мальчикъ, который при жизни всегда докучалъ и билъ его. Вѣроятно, онъ и теперь желалъ выкинуть надъ умершимъ праведникомъ какую-нибудь штуку, но, подбѣжавъ ко гробу, онъ тутъ же упалъ въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Разсказывали также, что незадолго до смерти своей блаженный забѣжалъ въ лавку къ одному купцу и сталъ къ нему приставать. Купецъ былъ человѣкъ крутой, избилъ блаженнаго и выгналъ его изъ лавки. Въ этотъ же вечеръ, когда купецъ закрывалъ окно въ верхнемъ этажѣ своего дома, онъ потерялъ равновѣсіе, выпалъ на улицу и едва остался живъ. Онъ понялъ, за что онъ терпитъ наказаніе, и тутъ же послалъ просить у обиженнаго имъ Андрея Ильича прощеніе.

Незлобивый блаженный отъ всего сердца простилъ ему, и купецъ скоро поправился. Эти неприличныя выходки противъ Андрея Ильича были лишь исключеніемъ, такъ какъ въ общемъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ людей, понимающихъ духовную жизнь. Люди вдумчивые, слышавшіе о его подвижнической жизни, видя его незлобіе и беззащитность, не могли не чувствовать къ нему уваженія.

Все шире расходилась молва о его подвижничествѣ, и о немъ стали высокаго мнѣнія многіе люди, которые раньше относились къ нему съ предубѣжденіемъ. Общее уваженіе къ Андрею Ильичу особенно возросло послѣ отечественной войны.

Эта война, когда врагъ вторгся въ тѣ русскіе предѣлы, которые были неприкосновенны въ послѣдніе вѣка предъ тѣмъ, все то тяжелое, что пришлось испытать русскимъ и что вызвало изъ глубинъ русскихъ душъ лучшія, самоотверженнѣйшія, святѣйшія чувства—эта война оставила глубокой слѣдъ въ русской душѣ и обновила русскую религіозность. Усилилось тогда паломничество къ русскимъ подвижникамъ, въ особенности—къ подвизавшемуся тогда въ Саровской пустыни старцу Серафиму.

Передаютъ, что великій старецъ не разъ говорилъ своимъ посѣтителемъ, которые пріѣзжали къ нему изъ Симбирска:

— Зачѣмъ ко мнѣ убогому вы потрудились придти? У васъ есть лучше меня человѣкъ, вашъ Андрей Ильичъ.

Съ тѣмъ же уваженіемъ отзывалась объ Андрѣ Ильичѣ и замѣчательная подвижница, жившая въ Арзамасской женской

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ.

(Съ примѣчаніями и свидками на позднѣйшія узаконенія и оглавленіемъ).

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ О СОСТОЯНІЯХЪ. 436 стр. Цѣна 75 к.
Узаконенія, трагующія о газныхъ вѣдахъ состояній, о жилищн прѣхъ, имъ присвоенныхъ, объ актахъ — общихъ и отдѣльныхъ — русскихъ и нерусскихъ подданныхъ.

УСТАВЪ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. 458 стр.
Цѣна 90 коп.

Нас оящее изданіе Устава Гражданскаго Судопроизводства является единственнымъ, въ которомъ приведены наряду съ дѣйствующей редакціей постановленія закона 15 июня 1912 г., о реформѣ мѣстнаго суда.

УСТАВЫ О ПЕНСІЯХЪ И ЕДИНОВРЕМЕННЫХЪ ПОСОВІЯХЪ.
302 стр. Цѣна 45 коп.

Уставъ — нужнымъ какъ чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ, такъ и вообще служащимъ и работающимъ въ правительственныхъ учрежденияхъ.

УСТАВЪ О СЛУЖБѢ ПО ОПРЕДѢЛЕНІЮ ОТЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА. 364 стр. Цѣна 60 коп.

Заключая въ себя положенія о принятіи въ гражданскую службу, о правахъ и обязанностяхъ, о производствѣ въ чины, увольненіи въ отпуски и отъ службы и пр., Уставъ является необходимымъ для всѣхъ, находящихся на коронной службѣ.

УСТАВЪ КРЕДИТНЫЙ. 446 стр. Цѣна 90 коп.

Содержитъ уставъ Государственной Коммиссіи Погашенія Долговъ и государственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденій, а также законоположенія о государственныхъ долгахъ и государственныхъ кредитныхъ билетахъ.

Преимущество настоящаго изданія Устава Кредитнаго передъ другими изданіями заключается въ томъ, что въ него вошли всѣ новѣйшія дополненія и измѣненія.

УСТАВЪ О НАКАЗАНІЯХЪ, НАЛАГАЕМЫХЪ МИРОВЫМИ СУДЬЯМИ. 63 стр. Цѣна 30 коп.

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ. 36 стр. Цѣна 20 коп.

Содержитъ въ себѣ правила о составленіи и обращеніи простыхъ и переводныхъ векселей, объ отвѣтственности и удовлетвореніи по векселямъ, о протестѣ и о срокахъ для предъявленія исковъ по векселямъ.

Есть приложенія имѣются примѣрныя формы векселей и надписей.

УЛОЖЕНІЕ О НАКАЗАНІЯХЪ УГОЛОВНЫХЪ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ. 424 стр. Цѣна 90 коп.

Краткое оглавленіе: I. О преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ вообще.—II. О преступленіяхъ противъ вѣры и о нарушеніи ограджающъ оную постановленій.—III. О преступленіяхъ государственныхъ.—IV. О преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядъ управления.—V. О преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ государственной и общественной.—VI. О преступленіяхъ и проступкахъ противъ постановленій о повинностяхъ государственныхъ и земскихъ.—VII. О преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны.—VIII. О преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія.—IX. О преступленіяхъ и проступкахъ противъ за оновъ о состояніяхъ.—X. О преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ.—XI. О преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ.—XII. О преступленіяхъ и проступкахъ противъ собственности частныхъ лицъ.—XIII. Приложенія.

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ. 64 стран. Цѣна 30 коп.

Изложенія здѣсь дѣйствующія части Уголовнаго Уложенія говорятъ о преступленіяхъ противъ религіи, государства и личной свободы и представляють неоспоримый интересъ, особенно въ виду умноженія дѣлъ подобнаго рода въ послѣдніе годы.

УСТАВЪ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. 346 стран.
Цѣна 90 коп.

Уставъ Уголовнаго Судопроизводства содержитъ постановленія о порядкѣ производства дѣлъ у мировыхъ судей, въ мировыхъ сѣздахъ и окружныхъ судахъ; о порядкѣ обжалованія рѣшеній и объ исполненіи уголовныхъ приговоровъ, а также изыатія изъ общаго порядка уголовного судопроизводства: о судопроизводствѣ съ участіемъ духовнаго вѣдомства, по государственнымъ преступленіямъ, по преступленіямъ по должностямъ, по нарушенію постановленій о печати и по дѣламъ смѣшанной подсудности: военной и гражданской.

УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ. 306 стр. Цѣна 60 к.

Всеобщая воинская повинность дѣлаетъ необходимымъ знаніе этого Устава для всѣхъ и каждого, какъ призывающихся, такъ и вышедшихъ въ запасъ.

Книжный Складъ П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12.

XV III - 1798

За 7 руб. 50 коп.

12 КНИГЪ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ,

включ. въ себѣ повѣсти и разск. изъ исторіи библейск., общей и церковной.

- 1) Черноморскіе богатыри. Картины Севастопольской обороны. *В. А. Радича.*
- 2) Прельщеніе литовское. Церковно-историческая повѣсть. *Вл. П. Лебедева.*
- 3) Задушевные рѣчи. Очерки, бесѣды и странички изъ дневника. *А. В. Крулова.*
- 4) Вокругъ собора. Повѣсть изъ исторіи Западной церкви XV вѣка. *Д. Алькока.* Перев. *Н. П. Дешубскаю.*
- 5) Лучъ Божьяго свѣта въ пустынѣ глухой. Повѣсть изъ жизни на Персидской окраинѣ. *Ө. Ө. Тютчева.*
- 6) На сѣверѣ дикомъ. Церковно-историч. пов. *П. А. Россіева.*
- 7) Вопросы вѣры и жизни. Сбѣрн. статей доц. Петрогр. Дух. Акад. *іеромонаха Михаила.*
- 8) Русскій Саванарола. Историч. повѣсть *Н. О. Лихарева.*
- 9) Боярыня Морозова. Повѣсть изъ исторіи русскаго раскола *Г. Т. Стверцева.*
- 10) Братъ на брата. Историч. повѣсть-хроника. *Н. Н. Алексѣева-Куниурцева.*
- 11) Въ дебряхъ сектантства. Бытовая повѣсть изъ жизни скопцовъ и хлыстовъ. *Д. М. Березкина.*
- 12) Свѣтъ. Повѣсть *М. Монлора* изъ временъ земной жизни Иисуса Христа.

6 КНИГЪ СОЧИНЕНІЯ
большого формата
болѣе 250 иллюстр.

Ф. В. ФАРРАРА

ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА.

Полн. иллюстр. изданіе съ предисл. и пояснит. примѣч. Свящ. П. М. Фивейнаго.

КОПИЯ СЪ ИКОНЫ ЧУДОТВОРЦА

СЕРАФИМА САРОВСКАГО,

исполненная на металлѣ въ рельефной золоченой ризѣ.

52 № ЖУРНАЛА
большого формата до
2.000 столбц. текста

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ
ЗА 1904 ГОДЪ.

Книжный складъ П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12.

2015148224